

Андрей Ливадный

Колония

Эксмо

Annotation

Кто они — древние селениты — миф или реальность? Откуда на орбите земли появилась луна? Что означает древнее слово «Атлантида» на языке обитателей Селена? Ответ на эти вопросы даёт повесть «Владыка Ночи».

Содержание

Ливадный Андрей Владыка ночи

Пролог

Огромный, слегка ущербный диск ночного светила висел низко над горизонтом, заливая дно кратера призрачно-голубоватым светом.

Вокруг царил лютый холод, белесые разводы инея покрывали острые обломки скал, иногда в разреженной атмосфере слышались приглушённые хлопки или треск — это лопались камни, рассыпаясь в мелкий щебень под воздействием стремительно понижающейся температуры.

Мир, освещённый призрачным сиянием Владыки Ночи, выглядел мёртвым, точнее — вымершим, ибо среди безжизненных пространств взгляд внимательного наблюдателя всё ещё мог отыскать истёртые временем признаки процветавшей тут некогда цивилизации: на склонах кольцевых гор виднелись участки древней дороги. Сбегая вниз, она постепенно терялась в толще реголита, устилавшего дно кратера, но, отмечая её прежний путь, из-под измельчённого гравия к фиолетовым небесам вздымались редкие, иззубренные руины многоэтажных зданий, подле которых виднелись почерневшие обломки стволов погибших сотни лет назад деревьев…

Ночь, царствующая над Селеном, была похожа на дурную сказку или кошмарный сон, но для обитателей планетоида, постепенно теряющего свою атмосферу, окрестный пейзаж казался обыденностью. Никто уже не помнил ни былого величия цивилизации, ни первопричин катастрофы, превратившей цветущий мир в безжизненную пустыню, и оттого затянувшийся природный катаклизм воспринимался как данность, в которой рождались, жили и умирали целые поколения…

У подножия гор, там, где древняя дорога выходила на обширный, плоский уступ, на фоне тёмного монолита скал контрастно выделялись огромные, подсвеченные изнутри проёмы, за которыми, сквозь помутневший от времени материал толстых герметичных стёкол, виднелись многочисленные постройки, заключённые в искусственно созданной полости полусферической пещеры.

Каменный фасад города, врезанный в отвесные скалы, протянулся на несколько километров и был разделён на два равных отрезка величавым строением, имеющим плавные обтекаемые формы. В центре его чётко просматривались плотно сомкнутые шлюзовые ворота.

Издали все города современного Селена выглядели одинаково, будто в незапамятные времена их возводил один и тот же строитель: фасады

неизменно насчитывали строго определённое количество проёмов, а плоскость мощного базальтового выступа, нависающего над овальными окнами и шлюзовыми воротами, до сих пор хранила чёткую разметку, состоящую из окружностей и прямых линий.

Всё это бросалось в глаза, оставляя индивидуальные особенности поселений неразличимыми на фоне непоколебимой основательности основных архитектурных решений. Покрытые шрамами метеоритных ударов неохватные колонны, подпирающие каменный козырёк, казались вечными, незыблемыми, неподвластными ни неумолимому бегу времени, ни природным катаклизмам, ни суетной деятельности людей.

Индивидуальные особенности городов-убежищ, выраженные во внутренней планировке, становились доступны взгляду наблюдателя, только если он вплотную приближался к одному из проёмов. Мутный материал многослойного стекла, обрамлённого чёрным кантом пневмоуплотнителя, хранил следы многочисленных ударов метеорных частиц, иногда по нему змеилась паутина трещин, тщательно покрытая похожим на вспенившуюся резину герметизирующим составом, а изнутри пробивался неяркий, равномерно распределённый свет, исходящий от куполообразного свода пещеры.

В призрачном, холодном сиянии, как правило, выделялся комплекс многоэтажных зданий, расположенный в центре пещеры. В зависимости от населённости города и его социальной структуры эти постройки претерпевали серьёзные изменения: их окружали более поздние архитектурные творения в виде кольцевых стен, мощных башен или иных укреплений, превращающих центральные части городов в своеобразные цитадели. Неизменным во всех поселениях оставался лишь циклопический цилиндр, исполненный из монолитного, гладко отшлифованного материала, непохожего на коренные горные породы, слагающие стены и купол пещеры. Диаметр цилиндрического строения составлял сотни метров, книзу оно расширялось, демонстрируя структуру, схожую с корневой системой вековых деревьев.

Судя по лёгкому мареву змеящегося воздуха и клубам водяных паров, периодически вырывающихся из зарешечённых отверстий у основания строго симметричной «корневой системы», это был не просто исполинский стержень теплообменника, согревающий внутреннюю атмосферу города. Очевидно, под основанием цилиндрической конструкции располагались невидимые глазу комплексы, насыщающие внутреннюю полость пещеры кислородом и поддерживающие необходимый для жизни уровень влажности.

Стоило мысленно выйти за пределы каменного свода, как становилось понятно, какой род энергии используют теплообменники городов-убежищ. Там, где вершина цилиндрического строения упиралась в свод пещеры, снаружи была высечена наклонная плоскость, обращённая к близкому горизонту под строго определённым углом. В её центре располагался огромный, гладко ошлифованный, прозрачный, как слеза, кристалл кварца, в дневные часы фокусирующий лучистую энергию звезды и направляющий её сквозь столб теплообменника к подземным уровням города, где, скрытые от посторонних глаз, выполняли свою работу оставшиеся с незапамятных времён устройства жизнеобеспечения.

В остальном внутренняя архитектура большинства городов обладала чертами индивидуальности. Помимо неизменных высотных зданий, кольцом обступающих теплообменник, на просторах искусственно созданных пещер просматривалась былая планировка некогда существовавших кварталов, которые первоначально подчинялись симметрии концентрических окружностей. Но время безжалостно стёрло их, оставив лишь небольшие, хаотично разбросанные обитаемые островки, напоминающие посёлки, лежащие вне стен монументальных укреплений.

На возведение стен и башен, защищающих сердце каждого города, требовался строительный материал, поэтому на протяжении веков старые, пустующие кварталы постепенно разбирались, а на их месте образовывались асимметричные пустоши. Новые дороги, проторенные по мере необходимости, связывали немногочисленные уцелевшие постройки со входом в цитадель и единственными шлюзовыми воротами, ведущими на неприветливые просторы внешнего мира.

Изредка среди заваленных строительным мусором пустошей, одиноких зданий и ещё не разобранных руин виднелись лоскутки возделанной земли, где росли невысокие деревца с бледно-зелёной листвой или виднелись ровные высадки травянистых растений.

Картину современных поселений Селена завершал ещё один немаловажный штрих: во многих городах часть древних панорамных окон была выбита, и чтобы восстановить герметичность пещеры, проёмы, как правило, заполняли кладкой. Кроме этого, по краю козырька, защищающего фасад города, высились укрепления, сложенные из угловатых обломков твёрдых горных пород. Стены пересекали древнюю разметку взлётно-посадочных полос, что явно свидетельствовало об утрате технических знаний и какой-то непреходящей угрозе, таящейся среди безжизненных, непригодных для свободного поселения кратеров.

Странный, неуютный, полный загадок и немых свидетельств былого

величия мир, где доживали свой век последыши цивилизации, разбросанные по изолированным, постепенно угасающим островкам забившейся в глубины пещер жизни… — таким представал Селен глазам стороннего наблюдателя.

Фатальный исход затянувшегося на века катаклизма, казалось, предрешён, и злонравной судьбе осталось отыграть лишь финальный аккорд тысячелетней драмы… Однако там, где всё ещё обитают живые разумные существа, никогда нельзя говорить о полной предопределённости событий. Цивилизация действительно угасала, на мёртвых просторах покрытого кратерами планетоида давно и прочно властвовала иная жизнь, совершенно непохожая на биологическую, но в замкнутых изолированных городах всё ещё вскипали страстные порывы чувств, шла борьба не только за выживание, но и за власть, и очередной всплеск кажущейся агонии мог в корне изменить ситуацию, породить последнюю вспышку неистовых стремлений, когда история вдруг обращается вспять и фатализм перестаёт быть доминантой будней, отброшенный прочь древними, как сам мир, чувствами…

Глава 1

Им было по семнадцать лет.

В этом возрасте ещё не так остро чувствуются социальные различия, над душами не властвуют комплексы, присущие старшему поколению, — им было хорошо вдвоём, и это казалось достаточным поводом для встреч.

…Юна перевернулась на живот, и Аргел провёл кончиками пальцев вдоль изгибов её обнажённого тела.

На левой ягодице девушки тускло поблёскивало маленькое пятнышко, и юноша, погладив его, спросил:

— Что это?

Она повернула голову.

— Не знаю. Родимое пятно.

Аргел заглянул в её глаза, и волна дрожи медленно поползла вдоль позвоночника. Их пальцы сплелись, но Юнона, коснувшись губами его щеки, прошептала:

— Мне пора идти, Аргел. Отец будет беспокоиться.

Юноша вздохнул, нехотя выпуская её из объятий.

— Скоро всё изменится, да? — спросил он.

— Почему ты так решил? — Юнона встала, и в тусклом свете, проникающем через мутное стекло оконного проёма, её фигура на миг показалась Аргелу отлитой из тёмной бронзы.

— Герон — главный инженер города. Он стар и обучает тебя для обряда преемственности, верно?

— Нет. — Юна, одеваясь, покачала головой. — Ты же знаешь, женщина не может стать наследницей знания.

— Тогда зачем он заставляет тебя учиться?

Она пожала плечами.

— Мне самой нравится читать. — Юнона наклонилась и нежно поцеловала его. — Книги доставляют мне не меньшее удовольствие, чем любовь. Только оно иное…

— Ты придёшь завтра?

— Конечно.

Она на секунду задержалась на пороге небольшой комнаты, глядя на Аргела, лежащего в расслабленной задумчивости.

«Он свободнее и счастливее, чем я…» — внезапно подумалось девушке.

Юна ошибалась. Ошибалась во всём, кроме чувства любви. Оно не подчинялось рассудку, не управлялось логикой, не было подвластно кастовому делению городского социума, но девушке, как и Аргелу, ещё предстояло понять жестокую истину: ничто не может продолжаться вечно…

* * *

Нирон О’Релли, правитель Регула, стоял подле узкого, похожего на бойницу окна, и смотрел вниз на площадь, где выстраивались отряды воинов.

Он в точности знал, что произойдёт спустя несколько минут, какой приказ он отдаст им, однако в сердце Нирона не было места для колебаний или сострадания. О’Релли, несмотря на молодость, давно утратил иллюзорность мышления. Мир Селена был жесток, и логику принятия многих решений тут диктовали суровый закон выживания и элементарная арифметика, основанная на ежедневном, а порой и ежечасном подсчёте ресурсов, необходимых для поддержания замкнутых циклов жизнеобеспечения города.

Ни в душе, ни в мыслях О’Релли не было даже намёка на осознание жестокости принимаемых решений. Там, где жизнь постоянно граничит со смертью, многие понятия становятся лишь условностью, словами древнего языка, утратившими свой изначальный смысл.

Он действовал целеустремлённо и рационально, как научила его реальность, рано познакомившая Нирона с тонкой гранью, отделяющей жизнь от смерти, ненависть от любви, а сострадание от формы массового самоубийства.

Корабль торговцев ждал в условленном месте. Регул остро нуждался в воздушном камне, а в реголитные копи далёкого Кол Адра постоянно требовались рабы для добычи драгоценного минерала.

Заметив, что отряды закончили построение, О’Релли, не оборачиваясь, произнёс:

— Начинай, Квердум. Прочешите все руины, потом кварталы бедноты. Мне нужно, как минимум, двести человек. Ты знаешь, кого следует отбирать в первую очередь.

— Да, господин.

* * *

Юнона и Аргеландер встречались в одном из старых пустующих домов. Юноша отлично знал городские руины, а девушке, которая до

знакомства с Аргелом редко покидала цитадель, эти свидания приносили не только наслаждение любви, но и неповторимое, неведомое ранее чувство новизны, внутренней независимости от постоянной опеки отца и замкнутого, отшельнического образа жизни, который ей приходилось вести в цитадели…

Всё началось внезапно, необъяснимо… Они с Аргелом встречались уже почти полгода, а Юнона до сих пор не могла забыть их первую встречу.

Юнона не знала причин, по которым отец запрещал ей просто так бродить по городу, но, однажды нарушив его строгий запрет, она уже не смогла остановиться, разум будто изменил ей, и сейчас дочь хранителя Солнечного Камня стремительно превращалась из девушки-подростка в юную женщину, не замечая пугающей скорости происходящих с ней перемен.

…Они случайно встретились на улице четыре цикла назад. Дочь главного инженера города Регул и обыкновенный подросток из квартала бедноты. Наверное, причиной внезапно вспыхнувшего чувства был возраст: оба уже достигли физической зрелости, и потребность в любви клокотала в юных телах и душах, порождая смутную, но неодолимую тягу к существам противоположного пола.

Аргел поразил Юнону своей непринуждённостью, ну а он, в свою очередь, был так потрясён красотой незнакомой девушки, что в момент неожиданной встречи попросту не смог отвести от неё глаз, и всё вышло естественно, само по себе, — они остановились, глядя друг на друга, не замечая редких прохожих, а потом Аргеландер подошёл к ней и спросил:

— Как тебя зовут?

— Юна… — ответила она, не понимая, почему у неё дрожит и срывается голос, а от короткой фразы вдруг пересохло во рту, будто она неделю ничего не пила.

— Я не встречал тебя раньше… — Аргел по-прежнему не отрывал глаз от лица Юноны, и она, наконец, смутилась, потупила взгляд.

— Я редко выхожу на улицу, — прошептала она. — Отец не любит, когда я гуляю одна.

— Значит, ты из цитадели? — Юноша кивнул в сторону комплекса высотных зданий, царящих над полуразрушенными городскими кварталами.

— Я дочь Герона.

— Главного инженера? — Он вздохнул, но тут же бесстрашно поднял взгляд. — Ты очень красивая.

Её щёки вспыхнули. Юна физически ощутила жар румянца, внезапно

проступившего на бледной, шелковистой коже лица.

— Мне надо идти… — произнесла она.

— Постой. Может быть, мы встретимся снова?

— Я… Я не знаю…

— Меня зовут Аргел. — Он продолжал восхищённо смотреть на неё, взгляд Аргеландера казался обжигающим, от него кружилась голова девушки, и что-то сладко замирало внутри.

Юнона, большую часть своего времени проводившая за книгами, не имела опыта общения с другими людьми, — они с отцом жили замкнуто, и это казалось нормой… но, несмотря на замешательство, она вдруг ответила, чувствуя, что совершает безумство:

— Я приду. Может быть, завтра, ладно?

— Я буду ждать.

Так произошла их первая встреча, а потом для юноши и девушки наступил сладкий головокружительный отрезок упоительного счастья, где перестали играть роль привычные временные циклы, — теперь они измеряли жизнь промежутками от встречи до встречи, всё глубже погружаясь в бездонный омут первой, чистой любви.

Счастье казалось безграничным, нескончаемым, а мир с его реалиями далёким, ненужным и призрачным.

* * *

Надпись на дверях гласила: «Сектор гидропоники».

Юнона хорошо знала древнюю письменность, отец научил её не только бегло читать на языке Селена, но вдобавок заставил выучить странный, лишь отдалённо похожий на настоящую письменность мёртвый язык сервов, на котором невозможно общаться; его, по словам Герона, следовало просто запомнить.

Для чего — Юнона не понимала, но спорить с отцом было бесполезно, и она покорно выучила всё, что предлагали её вниманию нетленные пластбумажные страницы старых книг из многотомной домашней библиотеки.

Откуда отец брал древние издания, оставалось загадкой, скорее всего, он добыл их в пору своей юности. В городе относительно личности Герона циркулировало множество слухов, но, в основном, они являлись досужими домыслами, и дочери главного инженера не пристало прислушиваться к ним.

Хотя некоторую информацию она всё же почерпнула из тех разговоров, что приходилось слышать на улице. Её мать вроде бы погибла

от рук изменённых, а сам Герон чудом избежал жестокой смерти, успев спасти малолетнюю дочь.

Отец никогда не говорил с нею о прошлом. Она не помнила матери, лишь знала, что родилась не тут, а в другом городе — Аулии, который некогда являлся столицей сектора, а теперь лежал в руинах после многочисленных атак изменённых.

* * *

За спиной Нирона открылась дверь, и холодный каменный пол отчётливо передал гулкую вибрацию шагов.

— Это ты, Герон? — не оборачиваясь, спросил О'Релли, понимая, что лишь хранитель Солнечного Камня может войти к нему без предварительного доклада.

— Да, правитель.

Лицо Нирона исказила мгновенная гримаса неудовольствия. Он не любил Кая Герона за его независимость и резкость суждений, но ставленника могучего Кол Адра приходилось терпеть.

Десять лет… — невольно подумал О'Релли, глядя на экипировку выстраивающихся ровными шеренгами воинов. Серый, удивительно лёгкий и прочный металл брони, плавная, лишённая вычурности эстетика форм, герметичные шлемы с прозрачными ударостойкими забралами — всё это превращало фигуры обычных солдат в некий символ, постоянно напоминающий о существовании могучего союза городов-государств, объединившего под своей властью необозримые пространства Селена…

— Что ты собираешься предпринять, О'Релли? — раздался за спиной правителя глухой, хрипловатый голос Герона. — Зачем выстраиваются отряды шлюзовой стражи? Разве наблюдатели заметили изменённых? Или, быть может, дикие сервы забрели в кратер?

Нирон, наконец, обернулся. В противоположность Герону, правитель Регул а был высок, строен, его лицо несло отпечаток властности, в то время как перед ним стоял пожилой, низкорослый, полноватый человек, чьи черты, отмеченные первыми признаками старости, трудно было назвать привлекательными.

— Закат уже минул, а транспортный корабль торговцев не пришёл, — произнёс О'Релли. — Впереди долгая ночь, и наших запасов едва ли хватит, чтобы продержаться весь суточный цикл. Ты знаешь это не хуже меня, хранитель.

Кай Герон возмущённо посмотрел на правителя, но с таким же успехом он мог бы разглядывать холодный камень стен. Ни один мускул не

дрогнул на бледном лице О’Релли, когда в наступившей тишине прозвучала его следующая фраза:

— Корабль торговцев должен был принять на борт двести человек, выделенных мной для работ в реголитных копях. Они уже исключены из расчётов суточного цикла и поэтому отправятся в сторону Аулии пешим порядком. Возможно, транспорт задержался по техническим причинам и подберёт их в дороге.

— Корабли торговцев не летают по ночам, — хмуро напомнил ему Герон. — Я пришёл, чтобы получить согласие на перерасчёт ресурсов. У нас есть резервы…

— Неприкосновенные резервы, — безжалостно уточнил Нирон, оборвав на полуслове фразу хранителя. — Ты можешь гарантировать, что следующий транспорт придёт вовремя?

— Нет, не могу, — ответил Герон. — Но я не вижу веского повода для принятия крайних мер.

— Мне безразлично, что ты думаешь по поводу моих решений, — неприязненно проговорил О’Релли. — У каждого из нас своё бремя, и я не указываю тебе, как следует распоряжаться энергией дневного светила. Так что будь добр, не вмешивайся в мои действия.

— Ты собираешься выгнать людей за стены города. Это верная смерть для них.

— Не преувеличивай. — О’Релли отошёл от окна, пренебрежительно взмахнув рукой. Остановившись подле массивного стола, искусно вырезанного из глыбы вулканической породы, он исподлобья взглянул на Герона и произнёс:

— Мне кажется, ты начал забывать те времена, когда в кратерах безраздельно хозяйничали орды изменённых, и каждый центнер воздушного камня приходилось добывать с боем. Люди в ту пору проводили вне городских убежищ по нескольку циклов и оставались живы…

— Те времена прошли, Нирон. Зачем подвергать опасности жизни двухсот человек? Им и без того придётся несладко на реголитных копях.

— Зато они станут приносить хоть какую-то пользу и научатся дорожить тем воздухом, который бездумно и бесплатно вдыхают сейчас. — В словах О’Релли прозвучал гнев и презрение. — Ты напоминаешь мне глупого горожанина, который ослеп, посмотрев на дневное светило. Разве ты не замечаешь, что в нашем городе скопилось слишком много бездельников? Они лишь поглощают воздух, расходуют драгоценные ресурсы, не давая взамен ничего, кроме постоянной угрозы бунта. Это

чернь, Герон, опасная и бесполезная.

— Это живые люди!

— Столь же полезные, как канализационные грызуны, которых мы безжалостно травим.

— О’Релли, ты забываешь, кто сделал тебя правителем Регула! — гневно произнёс Герон.

Нирон обернулся, уничтожающе посмотрев на хранителя, щёки которого побагровели от вырвавшихся эмоций.

— Закон Кол Адра гласит, что человеческая жизнь священна, и тот, кто посягает на неё, будет проклят! — хрипло произнёс Кай.

— Не сотрясай воздух, Герон. Я не отрицаю власти Кол Адра и той спасительной роли, которую сыграли корабли Союза в нашей борьбе с изменёнными, но я знавал худшие времена и ещё не забыл, что реальность Селена признает лишь один закон, в котором сосредоточен опыт выживания сотен поколений. Каждый, кто вдыхает драгоценный воздух, осязает живительное тепло, должен работать на благо остальных. Если я буду потакать черни, которая лишь жрёт и плодится, Регул вскоре будет перенаселён и тогда от катастрофы нас уже не спасут ни транспорты вольных торговцев, ни боевые корабли Кол Адра, ни собственные попытки очистить город от бремени бесполезных обитателей. — О’Релли бросил мимолётный взгляд за окно и добавил: — Наш разговор окончен, хранитель. Воины уже выстроились, и ты не можешь дальше отнимать моё время.

— Я доложу о твоей неразумной жестокости, О’Релли! — гневно ответил Кай Герон. — Ты ведь прекрасно знаешь, что эти люди никогда не покидали город, они погибнут только потому, что не знают, как себя вести на смертоносных просторах Селена!..

— Что ж, хранитель, действуй, — усмехнулся О’Релли. — Только не думай, что испугал меня своими угрозами. Города Союза далеко, а их боевые корабли пришли лишь однажды и более не появлялись вот уже десять лет. Мы приняли власть Кол Адра, и правителям Союза этого вполне достаточно. Вряд ли они захотят тратить ресурсы и посылать флот, чтобы разобраться с твоей жалобой. Кол Адр далеко, а я близко. — По губам О’Релли скользнула жутковатая усмешка. — Может, мне, в свою очередь, стоит выяснить, как тебе удалось избежать смерти, когда изменённые захватили Аулию? Ускользнуть от них и выжить на просторах Селена, да ещё с малолетним ребёнком на руках, — задача не из лёгких, верно, Герон? Каким образом ты вдруг очутился на борту корабля Союза? Чем ты завоевал такое доверие, что был назначен хранителем в Регул?

— Они подобрали меня в пустыне, — дрогнувшим голосом ответил Герон, — а уважение я завоевал своими знаниями!

— Откуда они у тебя? Я родился в Аулии и знаю наперечёт всех, кто по праву рождения был посвящён в тайны древних технологий. Тебя не было среди избранных. Ты родился в кварталах черни, Герон, потому и защищаешь это отребье! — Нирон сел за стол и добавил, завершая свой монолог: — Можешь слать жалобы, я найду что ответить на них. А теперь ступай прочь!

* * *

Герон покинул здание цитадели, расположенной в центре огромной герметичной пещеры, когда воины уже разошлись по кварталам, откуда доносились вопли и стенания несчастных жителей.

Он был взбешён и напуган. Слова О’Релли расчётливо ударили в самую сокровенную, болезненную точку, и теперь Кая снедал уже не праведный гнев, а беспокойство за судьбу своей дочери.

«Неужели он что-то пронюхал? Нет. Вряд ли… — мысленно попытался успокоить себя Герон. — Он может подозревать, но ничего не докажет… Никто не решится на открытое обвинение хранителя, этому воспротивится весь город, ибо…»

Здесь мысль Герона внезапно споткнулась об общеизвестный факт — Нирон О’Релли приходился сыном хранителю Солнечного Камня Аулии. Его отец погиб незадолго до нападения изменённых, но О’Релли к тому времени уже был назначен наместником Регула и покинул город до роковых событий.

«Он может при желании просто убить меня, потому что знает, как управлять процессами получения воды и воздуха…» — Кай остановился, глядя, как стражники сгоняют к шлюзовым воротам нестройную толпу. Похоже, в попытке изменить судьбу этих несчастных он зашёл слишком далеко…

Герон подумал об этом уже без страха, — в конце концов, он немало повидал на своём веку, и мужество не изменило ему. В неумолимой твёрдости О’Релли, без сомнения, тоже крылась какая-то тайна, возможно, не менее страшная, чем та, что многие годы носил в себе Кай Герон…

«Нужно, наконец, поговорить с Юной… — подумал хранитель, отводя взгляд от обширной площади, расположенной между цитаделью и шлюзовыми воротами. — Чем раньше она узнает правду о себе, тем легче будет ей смириться с этим знанием».

* * *

Нирон О’Релли по-прежнему стоял у окна, глядя на площадь, куда стражники сгоняли лишних людей Регула, как он назвал этих несчастных минуту назад в разговоре с Героном.

Власть. Да, он обладал ею, но что она давала взамен? Сосущую, гложущую изнутри пустоту?

Причиной всему был страх. Однажды этот страх вошёл в душу Нирона и более не покидал её. Десять лет бесцельной, изнурительной ответственности, бремени забот, и всё из-за того, что однажды он просто испугался, смалодушничал, приняв условия проклятого…

Зачем ему стоять над остальными, когда все — от обитателей трущоб до надменных жителей цитадели — вдыхают одинаковый воздух, питаются одними и теми же пищевыми концентратами, полученными из вонючей массы водорослей, произрастающих в гидропонических чанах?

«Проклятый Герон… — с раздражением подумал О’Релли. — Взбесился он, что ли? Зачем старик пришёл требовать милосердия, как будто это была первая партия людей, отправляемых в Кол Адр? Почему он был так взволнован и настойчив? Кругом одни проблемы и загадки, решать которые нет ни малейшего смысла…» — С этой мыслью Нирон отошёл от окна. В такие минуты ему хотелось бросить всё и выйти на площадь, смешаться с нестройной толпой перепуганных людей, разделить их участь, хотя бы затем, чтобы сбросить с себя непосильное бремя бессмысленной власти, не приносящей ничего, кроме ожесточения и ненависти к тем, за чьи жизни он отвечает.

Конечно, Нирон понимал, что не сделает этого. Приступ гневной безысходности, вызванный неожиданным визитом Герона, пройдёт, более того О’Релли знал, что выйдет на балкон цитадели и будет говорить собравшимся внизу людям заученные слова о величии Кол Адра и счастливой судьбе, которая ожидает их после недолгой работы в реголитных копях.

Вспышка раздражения не проходила. О’Релли чувствовал себя уязвлённым, но истинной причиной его дискомфортного состояния была память, неосторожно разбуженная хранителем Солнечного Камня.

* * *

…Это произошло десять лет назад.

Нирон О’Релли никогда не относил себя к разряду храбрецов, не проявлял склонности к приключениям или авантюрам, но этой ночью был

вынужден покинуть родной город и теперь медленно вёл старый вездеход по древней, припорошенной реголитной пылью дороге.

Как и большинство механизмов, оставшихся в наследие от прошлого, транспортное средство О'Релли выглядело прескверно: многочисленные вмятины покрывали утратившую глянец обшивку, секции солнечных батарей, расположенные в верхней части машины, частично выгорели, исчерпав ресурс фотоэлементов, частично же были разбиты, и лишь малая доля ромбовидных сегментов тускло отблёскивала в холодном свете Владыки Ночи, выдавая свою функциональность.

Тихо жужжали электроприводы. Внутри утратившей герметичность кабины царил такой же холод, как снаружи, вдобавок тут ощущался каждый ухаб дороги, и от этого езда превращалась в сплошную муку.

Впрочем, Нирон уже не обращал внимания на дискомфорт. За истёкший суточный цикл[1] вся его жизнь превратилась из плавного, предсказуемого и распланированного бытия в сплошной хаос непредвиденных обстоятельств.

Вездеход преодолел пологий спуск, и теперь его широкие ажурные колёса продавливали многометровую толщу вездесущего реголита, оставляя за собой глубокую колею, но Нирон даже не заметил, когда закончился участок древней дороги и началась зыбкая предательская равнина, — его сердце глодал ужас, а мысли в голове путались, прихотливо перемежаясь между событиями уже произошедшими и только предстоящими…

Всё началось во время прошлого рассвета.

О'Релли унаследовал должность главного инженера города Аулия после кончины своего отца. В вопросах правопреемственности никто не решался оспаривать традиции тёмных веков, сформированные жестоким опытом борьбы за выживание. После постигшей Селен катастрофы прошли тысячелетия; практически все знания древней цивилизации были утеряны, а остаточное население планетоида сосредоточилось в городах-убежищах, выстроенных далёкими предками в толще скальных массивов кольцевых гор.

От сложной техники великой цивилизации остались лишь одичавшие сервы, обитающие на мёртвых просторах Селена, да наиболее бесхитростные механизмы, с помощью которых городским инженерам кое-как удавалось поддерживать нормальный температурный режим да обеспечивать население водой и воздухом.

О’Релли учился инженерному делу с малолетства. Как только сыну исполнилось пять циклов, отец начал постепенно знакомить его с этими механизмами. Так было всегда из века в век, от поколения к поколению. В условиях Селена синонимом слова «власть» стал термин «знание», и никто не смел противиться этому, — самому тупоголовому из горожан было понятно, что без воздуха и воды он не проживёт и дня, а значит, тот, кто владеет доступом к системам жизнеобеспечения и способен управлять ими, безраздельно правит городом.

Для сына главного инженера жизнь казалась простой и понятной. Он ясно представлял своё будущее, и даже преждевременная кончина отца, взвалившая, на плечи молодого Нирона тяжкий груз повседневных проблем, не могла поколебать его уверенности в завтрашнем дне.

Он вступил в должность и прекрасно справлялся с ней, не желая для себя иной судьбы.

Всё изменилось внезапно.

…Стояло раннее утро. Обжигающий диск звезды едва показался из-за иззубренных скал, но его лучи уже коснулись огромного, чистого, как слеза, Солнечного Камня, вмонтированного в куполообразный городской свод. Исполинский, тщательно отполированный кристалл кварца концентрировал энергию света и направлял её вниз, в недра города, где в изолированных помещениях под воздействием высоких температур происходило таинство превращения вулканических пород в столь необходимые для жизни воздух и воду.

Нирон, вопреки правилам, не присутствовал при начале процесса, этим утром он покинул город, чтобы произвести ревизию реголитных копей карьеров, где добывался так называемый «воздушный камень». О’Релли не удовлетворяла концентрация необходимых минералов в добываемой руде, и он решил, что наступила пора разведать новые месторождения, благо дно кратера представляло собой застывшее лавовое море и отыскать на его поверхности необходимый минерал было достаточно просто.

Нирон никогда не проявлял беспечности. Он знал, сколь опасны мёртвые просторы Селена, как обманчива их кажущаяся необитаемость, но Аулия уже давно не подвергалась набегам сервов или изменённых. После образования Союза между расположенными в соседствующих кратерах поселениями его родной город оказался внутри своеобразного защитного кольца и постепенно превратился в негласную столицу целого региона. Отсюда в пограничные города уходили караваны, гружённые воздушным камнем, в обмен на который торговцы получали ремесленные изделия и

брикеты пищевых концентратов.

Страхи прошлого постепенно тускнели, отступали, теперь новости о жестоких атаках изменённых или внезапных набегах одичавших сервов приходили в Аулию из далёких мест, и поэтому Нирон, собираясь в короткую экспедицию, справедливо полагал, что ему будут угрожать лишь невыносимая жара да хронический недостаток кислорода в разреженной атмосфере.

…Он ненадолго остановил машину, чтобы выйти и осмотреть причудливую глыбу горной породы, отколовшуюся и скатившуюся на дно кратера во время утреннего перепада температур, когда из глубокой тени навстречу О'Релли внезапно выступили трое изменённых.

Столкновение оказалось столь неожиданным, что Нирон опешил, не успев даже подумать об оружии.

Пока он в полной прострации смотрел на изменённых, те подошли вплотную и окружили его, не предпринимая никаких враждебных действий. Двое просто встали по бокам, а третий остановился напротив, пытаясь рассмотреть лицо Нирона сквозь мягкую прозрачную лицевую маску защитного балахона.

Это было ужасно.

О'Релли ещё тогда почувствовал — нельзя ждать от подобной встречи ничего, кроме смертельных неприятностей. Пусть они не накинулись и не убили его, но чем ещё может окончиться встреча с проклятыми обитателями мёртвых равнин?

Нирон впервые видел изменённых воочию, до этого момента ему приходилось лишь слышать о них, но теперь он вполне понимал, почему зрелые, закалённые воины так люто ненавидели проклятых, отчего в скупых рассказах опытных бойцов периодически проскальзывал ужас: стоило взглянуть на мужчину, стоящего в глубокой тени скалы, как приходило мгновенное понимание — перед тобой уже не человек, а нечто иное…

Нирону было невыносимо страшно смотреть на рослого мужчину, понимая, что тот ничем не защищён от смертоносной внешней среды Селена. Весь гардероб изменённого состоял из высоких стоптанных сапог, узких бриджей и потрёпанной куртки, перепоясанной широким ремнём, отягчённым многочисленными креплениями для оружия. На нём не было ни дыхательной маски, ни многослойного термоизолирующего балахона, — жуткий незнакомец стоял на покрытом инеем реголите и спокойно вдыхал разреженный воздух Селена.

Колени Нирона вдруг начали предательски дрожать.

Он никогда не думал, что ужас может быть столь глубоким, всеобъемлющим, парализующим не только волю, но и саму способность мыслить. О сопротивлении речи не шло, — он стоял скованный ужасом, будто ему разорвали защитный балахон и ледяное дыхание чёрной как смоль тени уже превратило его мышцы в хрупкое стекло…

Однако изменённого не заботили такие мелочи, как смертельные перепады температур. Солнце уже взошло достаточно высоко, и дно кратера, разогретое его лучами, начало куриться желтоватыми испарениями, но там, где лежала тень, всё ещё стыл губительный ночной холод, разреженный, отравленный воздух змеился на границе света и тьмы, а он, глядя на остолбеневшего Нирона, лишь криво усмехнулся, нарушив наконец гробовую тишину внезапной встречи короткой утверждающей фразой:

— Ты инженер Аулии, верно?

Разреженный воздух Селена и плотные защитные одежды О’Релли превратили голос изменённого в едва различимый шёпот.

Сердце Нирона глухо стучало в груди, болезные удары пульса отдавались в ушах сильнее и громче, чем услышанная фраза, он понимал, нужно что-то ответить, но во рту пересохло, мускулы одеревенели от напряжения, а взгляд будто примёрз к изуродованному двумя шрамами лицу изменённого.

Страшный ртутный блеск металлизированной проказы таился в глубине бледных бескровных рубцов. Участки кожи вызывающе поблёскивали, низводя рассудок О’Релли до состояния животного ужаса перед стоявшим напротив существом.

— Не трясись. Мы не прикоснёмся к тебе, — долетел до слуха Нирона глухой бас. — Мне понятен твой ужас, но у меня нет ни времени, ни желания ждать, пока он пройдёт. Либо ты найдёшь в себе силы говорить со мной, либо городу потребуется новый хранитель Солнечного Камня.

Нирон, сотрясаясь всем телом, кивнул.

— Ладно. Перейдём к существу вопроса. Ты не станешь возражать против небольшой взаимовыгодной сделки? — Изменённый вновь криво усмехнулся, не отводя пронзительного взгляда от побледневшего лица Нирона. — Или тебе всё же предпочтительнее сдохнуть? — Он вопросительно приподнял бровь.

— Чего вы от меня хотите?.. — хриплым неузнаваемым голосом пробормотал О’Релли, чувствуя, что жуть понемногу отступает, возвращая способность мыслить здраво. Его действительно не собирались убивать, более того, по какой-то неведомой причине он был нужен проклятым…

— Я же сказал — речь идёт о сделке, — повторил изменённый. — Ты молод и, надеюсь, честолюбив?

Нирон лишь судорожно пожал плечами. О каком честолюбии может сейчас идти речь?

— Меня всё в жизни устраивает, — ответил он.

— Жаль. Мне думалось, ты метишь выше, О'Релли. Твой отец, например, всегда мечтал стать наместником Регула.

— Откуда… Откуда вы знаете, о чём мечтал мой отец?!

— Изменёнными не рождаются. Ими становятся, — с ледяной назидательностью произнёс проклятый. — Когда-то я жил в Аулии и хорошо помню тебя, Нирон, только в те времена ты был ещё совсем маленьким. Моё имя Гебес, хотя вряд ли твоя память сохранила мой образ. Когда-то мы были дружны с твоим отцом… До тех пор, пока со мной не случилось вот это. — Он поднял руку, коснувшись пальцами уродливых металлизированных шрамов на левой щеке.

— Ты был другом моего отца?

— Да. И О'Релли никогда не скрывал своих амбиций. Мне казалось, что сын должен унаследовать хоть каплю стремлений родителя. Ты ведь знаешь закон Союза городов? Если на периферии погибает наместник, то его место занимает инженер, но существует ситуация, когда могут погибнуть оба высокопоставленных лица, и в таком случае новым правителем осиротевшего поселения становится представитель Аулии.

Нирон ощутил, как кровь с жаром прилила к лицу.

Резкая смена ощущений, порождённая неуправляемым скачком мыслей от безысходного предчувствия неизбежной смерти к туманным перспективам безграничной власти, подействовала на него, словно оглушающий удар.

— Я не задумывался над этим… — справившись с собой, выдавил О'Релли.

— А ты подумай. Сейчас, — посоветовал ему Гебес. — Кроме тебя, в Аулии есть люди, способные управлять процессами добычи воды и воздуха, и они с радостью поддержат твоё новое назначение, чтобы самим занять место у спасительных механизмов. Сейчас они — твои завистники, просто по своей молодости и неискушённости ты мало обращаешь внимания на странные факты. Например, смерть отца, — она кажется тебе преждевременной?

— Это был несчастный случай.

— Может быть, — усмехнулся Гебес. — Хотя я склонен думать иначе.

— Его убили?!

— Не знаю, — пожал плечами изменённый. — Наш мир жесток. Наместник Регула знал о том, что Виллан О'Релли слишком честолюбив. Он вполне мог принять меры предосторожности. Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Да… понимаю, — вынужден был признать Нирон.

— Тогда продолжим наш разговор. Ты сумел побороть свой ужас, и это уже неплохо. Ты молод, а значит, твои мозги ещё не закоснели в предвзятой ненависти к нам, ты просто боишься того, что не в состоянии понять.

— А вам самим понятна суть проклятия?

— Нет, — спокойно признал Гебес. — Мне достаточно того, что я жив и могу спокойно существовать в губительных для обычного человека условиях. Изменение нельзя назвать приятным процессом, но в конечном итоге оно благо… для тех, кто способен смириться с ним. Впрочем, сейчас это неважно. Думаю, тебе грозит беда, молодой О'Релли, и в этой ситуации наши интересы совпадают. До определённой степени, конечно, — тут же уточнил он.

— Почему ты уверен, что мне…

— Потому что меня наняли, — жёстко и лаконично прервал Нирона изменённый. — Ты должен умереть, здесь у этой скалы, как два цикла назад умер твой отец. За последние годы Аулия выросла, окрепла, и среди городской знати идёт борьба за власть, ты разве не заметил этого?

Нирон глубоко задумался:

— Я был занят и не придавал этому значения.

— Зря. Могу сказать больше, — мне не нравятся те люди, что метят на твоё место. Аулия расцвела и тут же начала загнивать.

— Какое тебе дело до этого? — не выдержав, спросил Нирон.

— Интересуют подробности? — усмехнулся Гебес. Он огляделся по сторонам и сел на оттаявший валун, который за время их разговора успел попасть из укорачивающейся тени скалы под лучи восходящего солнца.

— Вряд ли ты поймёшь логику изменённых, — произнёс он. — Нас много, гораздо больше, чем ты думаешь, мы способны выжить в меняющихся условиях Селена, в то время как вы обречены на вымирание или изменение, кому как повезёт. Это в перспективе, О'Релли, но каждого заботит день сегодняшний, верно?

Нирон кивнул.

— Твой мирок ограничен несколькими кратерами, ты считаешь, что Аулия центр цивилизации, но на самом деле это не так. Союз нескольких городов лишь мелкая формация на просторах Селена. Есть целые

государства, как людей, так и изменённых, которые лежат далеко отсюда. Они ведут жестокую войну между собой, но я не хочу принадлежать ни той, ни другой стороне. Моя родина тут, и большинство членов моего отряда выходцы из местных городов. Нам надоело скитаться по чужим поселениям, однако здесь, в родных кратерах, многое переменилось за время моего отсутствия. Изменённых по-прежнему ненавидят, но не гнушаются тайно прибегать к нашей помощи, как в твоём случае, например… Но я уже давно не строю иллюзий и понимаю: сегодняшние работодатели завтра пошлют карательные экспедиции, чтобы уничтожить нас и замести следы собственных злодеяний, прикрываясь невежеством толпы и слепым страхом людей перед изменёнными. Мне не хочется погибнуть на войне, которая полыхает за тысячи километров отсюда, и надоело скрываться по расселинам, совершая мелкие набеги ради элементарных предметов первой необходимости. Я долгие годы мечтал вернуться домой, но те, кто обещал мне тайное возвращение, считают, что способны держать меня на расстоянии вытянутой руки, используя по своему усмотрению и пичкая пустыми обещаниями.

— Поэтому ты не убил меня?

— Я ещё не решил, умрёшь ты или нет.

— Я не хочу…

— Меня не интересуют твои личные желания, О’Релли. Аулия должна пасть, но, если это произойдёт без должной подготовки, нас попросту раздавят объединённые силы Союза городов. Поэтому я сижу здесь и разговариваю с тобой. Ты можешь остаться в живых и стать наместником Регула, при соблюдении двух условий: мне нужны схемы технических коммуникаций Аулии и твоя клятва, что силы Регула не пойдут на штурм нового города изменённых.

Нирона вновь охватила ледяная дрожь.

— Ты предлагаешь мне предать сотни ничего не подозревающих людей, обречь их на смерть, выдав тебе тайные ходы предков?

— Они не умрут. Изменение — это не смерть. От проклятия погибают лишь те, кто не способен смириться с ним.

О’Релли казалось, что сонмище противоречивых мыслей и чувств попросту разорвут его…

— Выбирай, Нирон. Ты должен дать ответ здесь и сейчас. Либо ты получаешь жизнь и власть, либо я дам знак своим людям, и они просто прирежут тебя. Аулия станет городом изменённых так или иначе, это всего лишь вопрос времени и количества жертв.

— Выходит, у меня нет выбора?

Гебес искоса посмотрел на него и кивнул:

— Будем говорить так: выбор есть, но он небогат. Так что решай О'Релли. Ответ за тобой.

* * *

Он покинул город ещё до заката, когда палящие лучи ослепительного солнца раскаляли поверхность Селена, заставляя покрытую мелким реголитным щебнем равнину куриться желтоватым маревом ядовитых испарений. С того момента, как за главным инженером Аулии закрылись мощные шлюзовые ворота города, минуло много часов; за то время пока старый вездеход карабкался на перевал кольцевого горного хребта, над Селеном отгорел долгий закат, пятнающий землю сложным рисунком резко очерченных теней, и на темнеющем небосводе контрастно проявился ущербный, голубовато-белесый диск Владыки Ночи.

Всё это время в душе Нирона шла отчаянная борьба. Его не путали мёртвые просторы, не тревожили попадающиеся по пути величественные руины, снедающее О'Релли чувство было тесно связано с настоящим, и причиной подспудного страха являлась грядущая встреча. Он сидел, неестественно выпрямившись в жёстком, неудобном кресле древнего аппарата, и не знал, радоваться ему наступившим в жизни переменам или страшиться их.

Впрочем, всему на свете наступает конец.

Диск Владыки Ночи по-прежнему висел над близким горизонтом, когда старая машина, в которой ехал новый наместник Регула, с трудом поднялась на перевал и остановилась.

Впереди лежало унылое пространство нового кратера, в противоположную стену которого был врезан фасад города Регул, а тут, между вершинами кольцевых гор, среди руин древнего поселения, его ждали.

Два десятка изувеченных проклятием Селена созданий, которых испуганный Нирон не решался назвать людьми, появились перед машиной, словно призраки. На них не было обычных защитных костюмов, изменённые не носили ничего, кроме пропылённых одежд. На них не воздействовал лютый ночной холод и иссушающая дневная жара, — изуродованные металлической проказой люди уже не подпадали ни под одно из привычных определений, потому их и называли изменёнными.

Враги рода человеческого, сами некогда являвшиеся людьми, несли на себе неизгладимую печать проклятия, но для каждого из них она была строго индивидуальна, словно неведомые силы, породившие источник

металлизированной проказы, соревновались между собой, прихотливо уродуя тела хрупких биологических существ, в обмен на новые ниспосланные им возможности.

В данном случае для Нирона не существовало вопроса, что лучше — всю жизнь прятаться в герметичных городах-убежищах, носить неудобные защитные костюмы, питаться скудными плодами оранжерей и гидропонических инкубаторов или вот так свободно разгуливать по поверхности Селена, презирая холод, жару и разреженный, уже фактически непригодный для дыхания воздух.

Он с трудом заставил себя открыть дверцу и выйти из машины.

В разреженном воздухе все звуки казались тихими, невнятными, и потому голос изменённого, чьё лицо бороздили глубокие заполненные ртутным блеском металла шрамы, прозвучал на низких басовитых нотах:

— Мы выполнили свои обязательства. Наместник Регула мёртв.

— Да, — хрипло выдавил Нирон, с трудом сдерживая ужас и отвращение, который внушали ему изменённые.

— Не напрягайся, — скупо посоветовал ему жуткий обитатель Селена. — Ты сделал свой выбор.

— Да, — сглотнув, кивнул О’Релли. — Меня официально назначили наместником Регула.

— Вот и отлично. Значит, всё вышло по плану. Теперь давай совершим обмен и разойдёмся. Ты привёз планы коммуникаций Аулии?

— Да, — ответил Нирон. — Вы сможете без боя проникнуть в город в ночное время. — Он протянул изменённому свёрнутые в трубку документы. — На схемах безопасный путь обозначен стрелками.

Изменённый кивнул, взял документы, бегло просмотрел их и удовлетворённо ответил:

— Это именно то, что нужно. Владыка Ночи ещё не успеет раствориться в дневном зное, когда мы овладеем Аулией.

— Зачем вам город? — не выдержав, задал Нирон мучивший его вопрос.

— Ты считаешь, нам не нужна крыша над головой? По твоему представлению мы должны получать удовольствие, скитаясь меж руин? Ошибаешься. Изменение уродует плоть, даёт нам возможность жить там, где ты не протянешь и минуты без защитного костюма, это верно, но все мы когда-то были людьми… — Он на мгновение умолк, а потом добавил с жутковатой усмешкой: — Ты ничего не знаешь о Селене, молодой наместник. Дальше, по ту сторону кольцевых гор, есть несколько городов, где живут одни изменённые. Нас намного больше, чем принято считать.

Аулия станет обителью сотен таких, как я.

От этих слов по телу Нирона пробежала ледяная дрожь.

— Где гарантия, что вскоре вам не потребуется Регул? — набравшись мужества, спросил он.

Изменённый лишь пожал плечами:

— Аулия большой город. Ты успеешь счастливо состариться, прежде чем нам потребуется ещё один. Живи спокойно, наместник. — Изменённый обернулся, указав на две машины, доверху загруженные плотно упакованными тюками. Здесь две сотни настоящих защитных костюмов. Не чета тем балахонам, в которых ходят собиратели реголита. Они остались от старой цивилизации. Мои люди добыли их на тёмной стороне Селена, куда не заглядывает Владыка Ночи. Раздай их верным людям, и ты получишь не просто городскую стражу, а маленькую армию. Пусть это на первых порах поможет тебе утвердиться в новой должности. — Он обернулся и приказал: — Прикрепите повозки к машине наместника.

Пока подчинённые выполняли его распоряжение, их командир взглянул на Нирона и произнёс, завершая короткий диалог:

— Запомни это место, Нирон О'Релли. Здесь, на перевале, постоянно будет дежурить небольшой отряд. Если тебе понадобится связаться со мной, приди сам или пошли верного человека к этим руинам.

Нирон подумал, что вряд ли ему захочется ещё раз встречаться с изменёнными, а тем более вступать с ними в какие-либо новые сделки, но воздержался от высказываний, лишь кивнул, с содроганием думая о том, что совершил чудовищный поступок, в результате которого погибнут или примут изменение сотни ничего не подозревающих людей.

Впрочем, запоздалые муки совести тонули в страхе. Сейчас он уже не радовался собственному возвышению и хотел лишь одного — убраться с этого перевала живым.

Он ещё не знал, какой сладкой на первых порах окажется купленная ценой предательства власть и как быстро тихий голос совести испарится из души владыки Регула.

— Всё, расходимся. Нам нужно спешить. До рассвета Аулия должна пасть! — с этими словами изменённый развернулся и зашагал к руинам, где скрывалась большая часть его отряда.

О'Релли несколько минут смотрел ему вслед, а затем, будто очнувшись, заспешил к своей машине. Его ждал Регул.

Глава 2

— О чём ты задумалась, Юна? — Герон взялся за механический штурвал и принялся вращать его, открывая массивные ворота, перегораживающие доступ в святая святых города — сектор гидропоники и зону энергетического преобразователя.

Юнона вскинула взгляд.

— Почему ты никогда не рассказываешь мне о маме? — спросила она, наблюдая, как напрягаются мускулы на руках отца. Для своего телосложения он был очень силён, и об истинном возрасте Герона можно было лишь догадываться по седине, что предательски пробивалась в аккуратно подстриженной бороде и коротком ёжике волос.

— А что ты хотела бы узнать? — не оборачиваясь, спросил он.

— Какая она была? Говорят, что мама погибла во время набега изменённых?

— Твоя мать не погибла, — ответил Герон, отчего-то перестав вращать штурвал затворного механизма. Обернувшись, он пристально посмотрел на дочь и добавил: — Она сама стала изменённой.

От этих слов по телу Юноны пробежала непроизвольная дрожь.

— Её коснулось проклятие Селена?..

Отец ответил не сразу. Несколько секунд он продолжал пристально смотреть на дочь, отмечая, как сильно повзрослела она за истёкший год, а потом добавил в несвойственной для него лаконичной манере:

— Думаю, пришла пора серьёзно поговорить. — Он вновь принялся вращать штурвал, не добавив больше ни слова.

Юнона уже успела пожалеть, что задала этот вопрос, потому что от услышанного кровь стыла в жилах. Её мать стала изменённой?! Неудивительно, что отец так упорно избегал разговоров о ней. В понимании семнадцатилетней девушки, лучше умереть, чем принять проклятие Селена. Об этом не хотелось даже думать… Но тема уже затронута, и по реакции отца она поняла: в ближайшие минуты им предстоит серьёзный разговор.

А может, он специально позвал её с собой, в расположенные под основанием города подземелья, куда допускались только избранные? Здесь, среди скудной зелени растений, мутных, наполненных пенящейся жидкостью гидропонических баков и пугающих механизмов, похожих на приручённых диких сервов, не было посторонних глаз и ушей, чего не

скажешь о других местах, включая их собственный дом, где незримо присутствовали слуги, которые, в противовес достоинствам, имели один патологический недостаток — подслушивали все разговоры, а затем обсуждали дела хозяев не только в своём кругу, но и на улицах.

— Папа, ты специально позвал меня с собой? — не удержавшись, спросила Юна.

Герон кивнул, подтверждая её собственные выводы.

Зная его характер, следовало предположить, что…

— Настали дурные времена, — оборвал её мысль голос отца. — Наш город уже дважды подвергался атакам, и боюсь, что он вскоре разделит участь остальных поселений сектора. — Герон тщательно запер огромные ворота изнутри и обернулся к дочери. — Если Регул падёт, нас ждут суровые испытания, перед которыми бледнеет ужас смерти. Я не хочу, чтобы ты встретила их такой же неподготовленной, как остальные жители.

— Ты говоришь страшные вещи, отец… — содрогнулась Юнона.

— Я всего лишь предвижу некоторые закономерные события, — поправил её Герон. — В наше время люди позабыли один из важнейших постулатов древности, который гласит, что самым ценным в мире является информация.

— Я послушно читала все книги, что ты давал мне.

— Да. Ты молодец, Юна. Однако знаниями мало владеть, нужно понимать их истинный смысл, верно трактовать и уметь использовать по назначению. Сейчас ты, как и большинство жителей наших городов, превратно толкуешь реальность Селена. Я тоже не могу претендовать на знание абсолютной истины, но даже те крохи правды, что удалось узнать и осмыслить мне, могут сослужить неоценимую службу для тебя лично.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, отец.

— Сейчас поймёшь. — Герон жестом указал дочери на широкий проход между дурно пахнущими гидропоническими баками, в конце которого виднелась бледная зелень оранжереи.

Они вышли на небольшое пространство, где в огромных пластмассовых чашах росли редкие виды выжившей фауны Селена. В центре оранжереи имелась круглая площадка с маленьким фонтаном и установленной подле него скамьёй.

— Сядем, — предложил Герон.

Юнона покорно опустилась на неимоверно древнюю пластиковую скамью с удобной спинкой. Герон сел подле дочери и, сцепив руки, некоторое время молчал, глядя на чахлую зелень подземной оранжереи.

— Посмотри вокруг, Юна… — глухо произнёс он.

Она повернула голову, напряжённо взглянув на отца. Зачем ей оглядываться, когда каждый уголок подземелий давно знаком? Юнона прекрасно знала, что за толстыми стенами гидропонического отсека лежит ещё одно огромное помещение. Высоко над головой в своде зала расположен исполинский, гладко отполированный кристалл кварца, так называемый Солнечный Камень. Когда над Селеном царит день и жаркое всё сжигающее светило посылает свои лучи на мёртвые лавовые равнины, Солнечный Камень фокусирует энергию света, направляя её вертикально вниз, где в специальных ёмкостях лопасти машин медленно перемешивают доставленный с поверхности реголит — мелкий, рыхлый грунт, который ещё называют каменным покрывалом. Под действием высокой температуры сконцентрированного Солнечным Камнем света из мелкого гравия начинает выпариваться вода, а затем выделяется кислород. В дневное время никто не смел открывать двери соседнего зала, все работы по смене реголита производились позже, когда равнины Селена заливал голубоватый свет Владыки Ночи…

Всё это промелькнуло в голове девушки как само собой разумеющееся, для неё тайные процессы получения воды и кислорода являлись скучной обыденностью, смысл которой она хорошо усвоила ещё много лет назад, поэтому требование отца прозвучало странно…

— Я не понимаю тебя, — честно призналась Юнона. — Что я должна увидеть?

Герон встал и медленно прошёлся по дорожке меж бледных растений с широкими мягкими листьями, которые стыдливо сворачивались в трубочку, как только к ним прикасалась человеческая рука.

— Я понимаю твоё недоумение, Юна. Для тебя окружающий мир — данность, к которой ты привыкла. Но попытайся подумать, сколько лет нашему городу и этим приспособлениям, позволяющим нам дышать и утолять жажду?

— Не знаю… Наверное, много.

— Им тысячи, а может, и десятки тысяч лет. Вдумайся в эту цифру и заодно вспомни, что я показывал тебе во время прошлой вылазки на поверхность. Помнишь разрушенный город под открытым небом, чёрные стволы деревьев? Разве они не заставили тебя задуматься над сегодняшним положением вещей?

— Ты спрашиваешь, поняла ли я, что раньше всё было иначе? — переспросила Юнона. — Да, поняла. Только какой прок от этих знаний, отец? Тот город мёртв, его дома разрушены, даже земля потрескалась от дневного зноя и ночного холода. Там могут выжить разве что одичавшие

сервы или изменённые.

— Правильно. Мы вынуждены прятаться в древних убежищах, которые называем городами, влачить жалкое существование, вести отчаянную борьбу за каждый сделанный вдох, каплю воды, брикет пищевого концентрата. Но ты своими глазами видела: наши предки могли жить под открытым небом, их разрушенные города несут на себе печать великолепия, а мы ютимся в подземных норах, и только врождённое невежество позволяет большинству людей мириться со своей незавидной участью.

— Но мы же не можем обратить время вспять, верно?

Герон кивнул.

— Здесь ты права, Юна. Мы не можем вернуть Селену его былое великолепие. Когда я был молод, то провёл долгие годы в странствиях. Моим учителем, который вложил в разум юноши долю пытливого любопытства, стремление понять суть произошедшего в далёком прошлом, был старый, мудрый изменённый, который жил как отшельник посреди смертельных равнин.

— Ты общался с изменённым, отец?! — Юнона в ужасе привстала, но Герон спокойным, ласковым жестом усадил её назад на скамью:

— Да. Его звали Гоум, и можешь мне поверить: старик отличался от «нормальных» людей лишь тем, что был способен выжить там, где в течение нескольких часов погибнет любой из жителей городов.

Слушая отца, Юнона смертельно побледнела. Что за странные страшные слова… Она видела изменённых лишь издали, но, помимо внешнего уродства, иногда принимающего самые отвратительные формы, за них говорили те дела, что творили на просторах Селена банды потерявших человеческий облик отщепенцев. Пользуясь своей способностью к выживанию в экстремальных условиях, они нападали на мирные города, нарушали их защиту и герметичность, убивали мужчин, насиловали женщин, а потом уходили, навьючив на невесть как приручённых сервов награбленное имущество горожан, нисколько не заботясь о тех, кто сумел избежать смерти во время набега. Они прекрасно знали, что дневная жара и ночной холод вкупе с разреженным, малопригодным для дыхания воздухом добьют выживших или, если повезёт, заставят их мигрировать в другие поселения…

Так была разрушена Аулия, где родилась Юнона, и вот теперь отец говорит, что её мать сама была изменённой, а он в юности являлся учеником одного из изуродованных проклятием Селена изгоев.

От таких мыслей мутилось в голове, и мороз пробегал по коже,

заставляя девушку бледнеть и вздрагивать, однако отец, видя, какое гнетущее впечатление производит на дочь его рассказ, тем не менее продолжил:

— Тысячи лет назад Селен был прекрасной процветающей планетой. Старик Гоум поделился со мной многими тайными знаниями, недоступными разуму обычного смертного. Он был лекарем, учёным, который пытался постичь природу изменения, а заодно понять, что произошло с нашим миром?

Юнона молча и напряжённо ждала продолжения рассказа, не реагируя на вопросительные интонации в голосе Герона.

— Ты должна на миг перестать думать о тех бандах отщепенцев, что скитаются по равнинам Селена. Они действительно изуродованы как внешне, так и внутренне. Злоба, невежество и ненависть толкают их на разбой. Могу сказать, что большинство из них когда-то были нормальными людьми, которые по своей неосторожности подверглись изменению во время выходов за пределы городов. Они воспринимают произошедшее с ними как проклятие, и следует признать, что муки внезапного изменения вполне оправдывают такую мысль.

— А что такое изменение, отец?! — дрожащим голосом спросила Юнона.

Герон присел на скамью.

— Я не могу ответить тебе прямо и односложно, Юна, хотя знаю истину. Ты просто не воспримешь её, испугаешься ещё больше… Прежде чем понять природу изменения, задумайся, вспомни, что тебе известно о Селене периода расцвета цивилизации, и попробуй сама сравнить, что сохранилось с той поры, кроме руин и городов-убежищ?

Девушка машинально закусила губу, пытаясь вспомнить всё прочитанное в древних книгах, содержание которых она зачастую воспринимала как красивую сказку или несбыточную мечту, и, выполняя просьбу отца, мысленно сравнила эти познания с той реальностью, что окружала её в повседневной жизни.

— Сервы? — наконец неуверенно произнесла она.

— Да, — кивнул отец. — Они совершенно не похожи на нас по своей природе, многие люди считают их исчадиями тёмной стороны планеты, куда не достигает свет Владыки Ночи, но ты должна понимать, что это — невежественные суеверия. Сервы были созданы людьми и в древности служили нам, облегчая быт, выполняя тяжкую работу…

— Но они…

— Не перебивай, Юна. Дай мне высказаться до конца.

— Извини, отец…

Герон украдкой посмотрел на дочь и продолжил:

— Никто не знает, что случилось с Селеном, почему солнце стало таким жгучим, а ночи ледяными. Даже мой учитель Гоум не мог объяснить, отчего с каждым годом воздух становится всё более разреженным, но он открыл мне глаза на природу диких сервов. По его словам, когда в древности с Селеном произошла катастрофа, люди укрылись в убежищах, а миллионы сервов были предоставлены сами себе. На них не воздействуют дневная жара и ночной холод… вернее сказать, для этих созданий условия внешней среды не играют такой критической роли, как для всего живого. Гоум знал, что все машины, населяющие современный Селен, когда-то были созданы людьми, а значит, любой из сервов изначально нёс какую-то полезную функцию, просто, в результате затянувшейся на века катастрофы, они на самом деле «одичали», утратили своё первоначальное предназначение. Люди спрятались в подземных городах, природа Селена погибла, и сервы, предоставленные сами себе, начали приспосабливаться к условиям окружающей среды. Они стали видоизменяться, совершенствоваться, понимаешь? Старик Гоум называл этот процесс термином «эволюция».

— Ты хочешь сказать, отец, что заросли металлических кустов, плюющиеся деревья и вся летающая или ползающая нечисть — это всего лишь машины наших предков, изменившиеся до полной неузнаваемости?

— Ты абсолютно права, Юна. Стоит лишь добавить, что, при всех видимых изменениях, часть современных сервов по-прежнему хранит память о своём былом предназначении.

Юнона сокрушённо покачала головой:

— Всё равно, отец, я не понимаю, почему ты так спокойно говоришь об исчадиях тёмной стороны. Сервы — причина многих несчастий, ведь именно плюющиеся металлические кусты распространяют проклятие изменения.

— Вот мы и подошли к сути проблемы, Юна. Я не зря сказал тебе: несмотря на «одичание» и трансформацию форм, большинство сервов помнит о своей изначальной функции. Семя, которое разбрасывают плюющиеся кусты, состоит из колоний микромашин. Гоум говорил мне, что эти мельчайшие, невидимые невооружённым глазом микромеханизмы — есть не что иное, как полезнейшее изобретение наших предков, позволившее им не только заселить Селен, но и колонизировать иные планеты. Просто за века регресса мы потеряли контроль над ними, утратили знания об истинном предназначении той серебристой субстанции,

которую ныне называют проклятием, да и сами микромашины в результате бесконтрольного воспроизводства начали представлять определённую опасность. На самом деле старик Гоум наглядно доказал мне, что дозированная инъекция микромашин в кровь человека приводит к управляемому изменению жизненных процессов. Маленькие кибернетические симбионты живут в крови, как обычные тельца, они изначально сконструированы для внедрения в человеческий организм. Результатом их деятельности является неслыханная приспособляемость человека к условиям внешней среды. Когда человек, в крови которого обращаются микромашины, попадает под палящие лучи солнца, эти маленькие симбионты перемещаются в капилляры, пронизывающие кожу, и аккумулируют излишек энергии, предохраняя своего хозяина от ожогов. Затем стоит такому человеку попасть в лютый мороз, микромашины начинают отдавать накопленную энергию, согревая хозяина, поддерживая постоянную температуру тела. Кроме этого, существует ещё несколько способов применения колоний микромашин. Их можно поселить на кожных покровах и с помощью специальных матриц сформировать из металлизированных клеток разъёмы для подключения полезных устройств.

— Я не верю тебе.

— Юна, я видел это своими глазами. У Гоума было несколько матриц и импланты, которые подключаются к сформированным разъёмам. Он не придумал это сам, а с риском для жизни добыл древние приспособления в разрушенных городах, где тысячи лет назад жили первые обитатели Селена.

— К чему ты рассказываешь мне эти подробности? — не сумев скрыть страх и отвращение, спросила Юнона. — Зачем ты пугаешь меня?

— Я тянул, сколько мог, Юна, — ответил Герон. — Зная, как относятся к изменённым жители городов, я пытался подготовить тебя к нелёгкому восприятию правды, заставлял тебя читать книги древних, в надежде, что ты поймёшь: биологическая эволюция на Селене зашла в тупик, условия внешней среды ухудшаются с каждым годом, и твоему поколению придётся делать осознанный выбор между медленной деградацией и единственным способом выживания…

— Нет. Не продолжай. Я не хочу слышать от тебя такие слова!

Герон тяжело вздохнул:

— Хочешь ты или нет, но тебе придётся узнать правду, Юна. Я не могу допустить, чтобы тебя забила камнями безумная толпа.

Лицо Юноны стало пепельно-серым. Она порывисто встала:

— Я лучше уйду.

— Нет.

— Отец, я слушалась тебя во всём, но сейчас ты говоришь отвратительные вещи.

— Я вижу, ты поняла мой намёк. — Герон тоже встал и жестом указал на запасной выход из оранжереи, которым, на памяти Юноны, никто и никогда не пользовался. — Пойдём. Я покажу тебе правду, а дальше ты вольна поступать, как хочешь.

Она не смогла воспротивиться. Привязанность к отцу всё же была слишком сильна, чтобы взять и просто уйти, не окончив этот разговор. Если между ними останется недосказанность, они уже не смогут жить и общаться, как прежде, хотя Юнона подозревала, что прошлое уже необратимо ушло…

— Отец, неужели ты не мог просто промолчать, как делал многие годы, когда я спрашивала про маму? — с горьким упрёком произнесла она.

— Мог, — ответил Герон, подводя дочь к входу в тесную шлюзовую камеру. — Но не забывай, я сам позвал тебя в сектор гидропоники. Твой вопрос уже не играл решающей роли. Разговор на тему изменённых состоялся бы, так или иначе. — Он открыл овальный люк и жестом указал дочери на переходной тамбур.

Она вошла в тесную камеру, по-прежнему ощущая, что дрожит всем телом.

— Причина во мне? — пересилив дурноту, спросила Юнона, протягивая руку, чтобы взять из специальной ниши защитный костюм, без которого выходить на поверхность Селена было равнозначно самоубийству.

— Ты повзрослела, Юна, — ответил Герон, помогая ей облачиться в свободно ниспадающий балахон с островерхим капюшоном. — Я не слепой и вижу, как смотрят на тебя молодые парни.

Юна покраснела:

— При чём тут это, отец?

— Сейчас узнаешь. — Он взял из ниши второй балахон и начал ловко облачаться в нехитрую экипировку.

Затянув шнуровку, он посмотрел на дочь сквозь мягкую прозрачную лицевую пластину и плотно закрыл внутренний люк. Теперь они стояли тесно прижавшись друг к другу.

— Не суди слишком торопливо и опрометчиво, — голос Герона прозвучал глухо и невнятно. — Держи себя в руках, Юна, и помни, что я люблю тебя. — С этими словами он начал открывать механизм второго люка.

Этим выходом на поверхность уже давно никто не пользовался, и

овальная плита не сразу поддалась усилиям Герона, а когда она всё же сдвинулась с места, то на пол переходного тамбура посыпались куски потерявшего эластичность уплотнителя.

Юнона стояла, не в силах предугадать, что произойдёт в ближайшие минуты. В голове девушки царил настоящий хаос, мысли путались, а в душе по-прежнему стыл обыкновенный человеческий страх перед грядущей неизбежностью.

* * *

Над этой частью Селена наступал вечер.

Жгучий диск солнца уже висел так низко над горизонтом, что отвесные стены кратера отбрасывали постепенно удлиняющиеся, угольно-чёрные тени с резко очерченными границами.

Юнона редко выходила за пределы города, и реальность Селена пугала её. Отец был прав, — их мир уже давно не предназначен для живых существ, стоило немного постоять, наблюдая за стремительными физическими метаморфозами, происходящими на грани света и тьмы, чтобы слова Герона наполнились реальным, доходчивым смыслом.

Нагретые скалы дышали дневным жаром, но там, где пролегли глубокие тени, на смену зною уже пришёл холод. В такие предзакатные часы можно было увидеть, как рядом, буквально в нескольких метрах друг от друга, лежат совершенно разноликие пространства. Над освещёнными участками равнины разреженный воздух всё ещё струился зыбким маревом, а в тени скал камни уже успели покрыться белесой коростой наледи. Над жёлто-коричневой равниной, образующей дно кратера, стремительно возникали смерчи, поднимающие вверх столбы мелкой реголитной пыли, изредка до слуха долетали приглушённые хлопки — это лопались, рассыпаясь на острые обломки, не выдержавшие резкого перепада температур фрагменты скал…

Дикий, неприветливый, лишённый даже намёка на жизнь мир. Трудно представить, что когда-то он выглядел совершенно иначе и на месте выжженных безжалостным солнцем пространств росла трава, высились деревья и к лазурным небесам вздымались многоэтажные дома городов.

Теперь о былом расцвете цивилизации напоминали лишь оплывшие контуры руин, лежащие посреди кратера.

Обжигающее прикосновение солнца ощущалось на каменистой площадке, где стояли Герон и Юнона. Плотная, не пропускающая воздух ткань защитных костюмов хоть и имела термоизолирующие свойства, но всё равно тело покрывалось липкой испариной, а смотреть в сторону

горячечного диска дневного светила было попросту невозможно.

Юна повернула голову и, соприкоснувшись своим мягким забралом с лицевой маской отца, спросила:

— Что ты хотел мне показать?

Суровая реальность Селена на миг отодвинула прежние страхи, и в её душе вновь проснулось тёплое чувство, которое она испытывала к Герону, однако его последующие действия заставили девушку испытать ужас ещё более глубокий, чем при разговоре в оранжерее.

Там она пугалась слов, здесь же, на ровной скальной площадке, где с древних времён сохранились обломки непонятных конструкций, ей предстояло увидеть подтверждение самых худших опасений, что зародились в душе во время разговора.

Герон медленно поднял руку, взялся за шнуровку своего балахона и одним ловким, заученным движением распустил её, позволив защитному костюму соскользнуть с плеч, упав к ногам серой бесформенной массой.

Юнона невольно вскрикнула, попятившись, пока её спина не упёрлась в острый выступ скалы.

Отец совершенно спокойно стоял в лучах закатного солнца, и, вопреки ожиданию, кожа на его руках и лице, не защищённая одеждой, оставалась прежней — матово-коричневой от загара, по ней не поползли пузыри ожогов, глаза не ослепли, а горло не сдавил удушливый спазм…

Герон повернулся и напряжённо посмотрел на дочь:

— Как видишь, со мной не случилось ничего ужасного.

У Юны всё помутилось перед глазами.

Страшная, жестокая правда ошеломляла, ей казалось, ещё немного — и рассудок не выдержит осознания того, что самый родной и близкий человек на самом деле был изменённым…

Её сознание не померкло от испытанного шока, а жуткая мысль скользнула дальше…

Если он изменённый и её мать также была осенена злым проклятием Селена, значит…

— Ты тоже изменённая, дочка, — дошёл до её сознания голос Герона.

— Нет! — выкрикнула она. — Я не хочу тебе верить!

Герон пожал плечами, сделав шаг по направлению к дочери.

Она инстинктивно вжалась в скалу, каменея от ужаса. Отступать было некуда, страх перед открывшейся правдой мгновенно иссушил волю, и Юнона поняла — сейчас её защитный балахон падёт к ногам, чтобы…

— Пойми, Юна, контролируемое изменение — это не проклятие, а благо. Только так можно выжить в современных условиях Селена. Я

понимал это, когда принёс тебя к мудрому Гоуму. Ты была маленькой девочкой, обречённой влачить жалкое существование в каком-либо из подземных городов-убежищ, но я не хотел для своей дочери такой судьбы. Мой учитель сделал тебе инъекцию микромашин, но, кроме крохотного серебристого пятнышка на ягодице, ты не несёшь никаких внешних признаков изменения.

— Не трогай меня, отец, — взмолилась Юна. Рука Герона опустилась.

— Хорошо, я не стану. Хотя без очевидных доказательств ты просто возненавидишь меня, станешь избегать, будешь по-прежнему цепляться за иллюзию жизни внутри полуразрушенного города, в то время как тебе подвластны все просторы изменившегося Селена.

— Зачем мне эти мёртвые равнины?!

— Они не мертвы, просто жизнь приняла иные формы. Органика исчезла, погибли деревья, вымерли обитавшие тут животные, но им на смену пришло нечто другое, непонятое и потому отвергаемое ныне живущими. Подумай, Юна, — со страстным убеждением в голосе продолжал Герон, — разве предназначение человека заключается в том чтобы просуществовать отмеренные ему годы внутри каменного мешка и умереть, не оставив после себя ничего, кроме обречённого потомства?

— А что нужно делать, отец? — едва слышно спросила Юнона.

— Жить. По-настоящему жить, оставаясь человеком, не теряя своей души, но и не прячась от суровых условий за стенами городов. Селен хранит тайну тысячелетней трагедии, но я убеждён, что люди могут изменить фатальное течение событий. Мы потеряли власть над собственной судьбой из-за катастрофической потери, утраты, которые постепенно подменились невежеством и суевериями. Если так пойдёт дальше, то уже при твоей жизни цивилизация Селена окончательно погибнет, оставив после себя неразгаданную природу механической эволюции да жалкие банды изменённых, которые будут плодить подобных себе, невежественных, изуродованных, ненавидящих всё и вся. Разве такой конец всего сущего приемлем?

— Я не знаю… Ты говоришь о вещах, до которых мне никогда не было дела.

Герон опустил голову:

— Я не стану неволить тебя. Теперь ты знаешь правду, и, возможно, я доживу до того момента, когда разум или обстоятельства помогут тебе понять мою правоту. Сейчас мы вернёмся назад, но прошу, не делай скоропалительных выводов. Ты давно живёшь в тесной симбиотической связи с микромашинами, и до сих пор это не нанесло тебе никакого вреда.

Подумай, разве так действует проклятие Селена?

— Отец, ты забываешь о том, в кого превращает изменение иных людей.

— Я помню об этом. Они несчастливы и, быть может, по-настоящему прокляты, но не тем проклятием, которое принято считать источником зла. Эти люди больны невежеством и злобой. В наших городах нет лекарей, подобных старику Гоуму, и, когда с человеком происходит несчастье, его изгоняют прочь. Никто не протягивает ему руку помощи, не сострадает — его ненавидят и в ответ получают ненависть. Но я точно знаю, что далеко отсюда есть целые города изменённых, где люди вольно или невольно научились жить в своей новой ипостаси.

— Мне нет до них никакого дела, отец, — собрав остатки внутренних сил, отрезала Юна.

— Жаль. Жаль, что ты не хочешь вслушаться в мои слова. Боюсь, что, когда твой разум очнётся от глупых суеверий, будет слишком поздно… Пойдём, ты вольна поступать, как хочешь, но остерегайся говорить лишнее. Люди не поймут тебя. Я испытал это на собственной шкуре. — Герон криво усмехнулся, подбирая одежду.

Солнце уже коснулось своим краем далёких иззубренных вершин горной цепи, образующей стены кратера.

Юнона, потрясённая, раздавленная произошедшими событиями, ощущала, как быстро остывает скала, к которой она инстинктивно прижималась спиной.

В голове звенела странная пустота, будто оттуда вымели все мысли. Девушка не знала, как жить дальше, словно у неё под ногами разверзлась почва и теперь она падала в открывшуюся пропасть.

Её глаза смотрели на окружающий мир, но помутившийся взор Юноны не замечал, что на просторах растрескавшейся равнины возник характерный признак новых неумолимо надвигающихся событий.

Медленно раскрывались шлюзовые ворота города, выпуская навстречу жгучему закату и грядущему вслед мраку толпу обречённых, среди которых, избитый стражей и неотличимый от остальных фигур из-за серого, мешковатого защитного балахона, шёл Аргел.

Глава 3

— Идите только по дороге, не сворачивая в сторону, и, быть может, вам повезёт, — произнёс им вслед начальник шлюзовой стражи, прежде чем ворота города начали медленно закрываться. — Если корабль торговцев Кол Адра совершил вынужденную посадку, то его будет хорошо видно с вершины перевала.

Ворота города закрылись.

Нестройная толпа изгнанных ещё некоторое время топталась подле них, а затем, вытягиваясь неровной цепочкой, люди побрели в указанном направлении. Никто из них не имел даже смутного представления, что на самом деле представляют собой далёкие копи могущественной империи Кол Адр, откуда торговцы регулярно доставляли воздушный камень, передвигаясь над просторами Селена на своих огромных кораблях. Сейчас, после жестокого выдворения за стены родного Регула, попасть на борт такого корабля казалось им единственным шансом на спасение.

Как глубоко заблуждались эти несчастные…

Медленно двигаясь в ритме нестройной толпы, Аргел, раздавленный внезапно обрушившимся на него несчастьем, мрачно размышлял о случившемся.

Он интуитивно понимал — впереди их ждёт неизбежная гибель.

Никто не хотел умирать, но богатые граждане Регула, при поддержке городской стражи, быстро решили, кто является лишним, не заслужившим глотка воздуха.

Их просто выгнали прочь, снабдив лишь ветхими, давно отслужившими свой срок защитными балахонами. Сотни людей, принадлежащих к низшему сословию, оказались за пределами герметичных городских стен.

Серые фигуры в мешковатых балахонах медленно брели по дну кратера: кто налегке, кто-то впряжённый в повозки со скудным скарбом, и над этой процессией, постепенно разделяющейся на отдельные нестройные толпы, незримо витал дух безысходности.

Им некуда было идти, другие города вряд ли приняли бы изгнанников из Регула, и для сотен несчастных по-прежнему оставалась лишь одна слабая надежда — дойти до перевала и отыскать в призрачном свете Владыки Ночи задержавшийся по неизвестной причине корабль торговцев.

Тщетно…

Среди изгнанников не нашлось ни одного толкового проводника, и спустя несколько часов, когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, процессия сократилась вдвое, отмечая пройденный путь телами тех, чьи защитные костюмы оказались настолько ветхими, что не смогли уберечь своих хозяев от беспощадных лучей уходящего на покой дневного светила.

Среди изгнанных из Регула были и родители Аргела, но он потерял их из виду ещё в начале пути. Семнадцатилетнего подростка, ни разу не покидавшего пределов города, вовлекло в свой тягостный ритм медленное хаотичное брожение внутри нестройной толпы, все фигуры казались одинаковыми, и он не мог ни отличить одного человека от другого, ни позвать близких, страшась даже прикоснуться к тугим застёжкам, обеспечивающим относительную герметичность мешковатых одежд.

На протяжении многих часов он двигался вместе с толпой, не слыша иных звуков, кроме собственного дыхания и редких всхлипов, от которых щипало в носу и горле…

Потом отгорел закат, и люди, сбившиеся с пути, вдруг начали бросать повозки, разбредаясь кто куда, окончательно утратив надежду на спасение, не в силах сопротивляться неизбежности. Это походило на массовое помешательство, кто-то садился на быстро остывающую землю, не видя смысла двигаться дальше, кто-то вдруг впадал в буйство, истерически переворачивая повозки со скарбом, пытаясь отыскать среди вываленных в реголитную пыль вещей хоть что-то способное уберечь от губительного ночного мороза.

Всё напрасно.

Аргел был измотан физически и напуган не меньше остальных, но его юношеское сознание, воспринимающее страх поредевшей толпы, отторгало чувство безысходности.

В своей наивности он инстинктивно продолжал искать несуществующее убежище и в этом порыве отошёл далеко в сторону от основной массы людей.

В течение долгого заката беженцы успели преодолеть впадину кратера и подняться на крутой перевал, где сохранилась припорошенная вездесущей пылью старая дорога. Аргел, двигаясь вдоль неё, внезапно увидел древнюю постройку с провалившейся внутрь крышей.

Сердце юноши трепетно ёкнуло, он подумал, что нашёл наконец место, где можно укрыться от пробирающего до костей холода, и не обратил внимания на странную металлическую поросль, которая густо

оплетала вход в руины здания.

Он просто пошёл напролом, раздвигая руками жёсткие пружинящие ветви и, как следствие, тут же порвал свой защитный костюм, до крови оцарапав бедро.

Почувствовав, как по ноге струится горячий, липкий ручеёк, он испытал мгновенный ужас, инстинктивно рванулся вперёд, продавливая грудью сплетение упругих металлических ветвей, и вдруг оказался внутри сумрачного, давно заброшенного помещения.

Споткнувшись, он упал на пол, чувствуя, что погиб. Могильный холод уже подобрался к телу, просочившись сквозь широкую прореху окроплённого кровью балахона, в ушах начало звенеть от внезапного резкого недостатка кислорода, он в последнем инстинктивном усилии попытался вскочить, но не смог.

Сознание помутилось, шум в ушах стал тяжёлым, басовитым, голова разламывалась от внезапного приступа боли, а ноги не ощущались вообще, будто холод, пробравшийся под разорванную одежду, превратил их в куски льда.

Ужас окончательно сковал его волю, не осталось сил даже на крик, лишь перед глазами, на фоне радужных кругов, ещё некоторое время плавал призрачный образ наместника Регула, который, в окружении стражников, стоял на балконе своей резиденции, свысока обращаясь к собравшейся внизу толпе:

— Вы, никчёмные прожигатели жизни, не имеющие ни профессии, ни средств, чтобы оплатить вдыхаемый вами воздух, будете изгнаны из города. У нас больше нет ресурсов, чтобы содержать бесполезных членов общества. Так решил совет, и вы обязаны подчиниться его воле.

— Но мы же умрём!

— Это никого не интересует. По закону каждый из вас имеет выбор: заплатить, быть изгнанным или принять немедленную смерть при сопротивлении. Решение за вами. Можете выбирать.

Дальше наступил мрак, но лоснящееся лицо наместника Регула Аргеландер запомнил навеки.

Потеряв сознание на холодном каменном полу древних руин, юноша не понимал, что, оцарапавшись о металлический кустарник, он спас себе жизнь.

Микромашины, составляющие основу металлизированных растений, уже попали в рану, смешавшись с его кровью, и, подчиняясь неразгаданной древней логике своего поведения, начали стремительно размножаться, внося необратимые изменения в замерзающий организм Аргела.

* * *

Он очнулся спустя много часов, лёжа в той же позе на шероховатом каменном полу.

С прояснением сознания вернулся ужас, и Аргел инстинктивно дёрнулся, пытаясь вскочить.

Он действительно смог привстать, рывком поднявшись на одно колено, и застыл, дико озираясь по сторонам, ощущая, как что-то стягивает кожу на оцарапанном бедре, но странно: юноша больше не чувствовал холода, да и от дурноты, что предшествовала потере сознания, остался лишь лёгкий шум в голове.

Не решившись даже взглянуть на рану, он с усилием встал и, уже не заботясь о предосторожностях, продрался сквозь ветви металлических кустов.

Над отрогами кольцеобразного кратера всходило солнце, контрастный рисунок светотени лежал повсюду, пятная жёлто-коричневые скалы чёрными, резко очерченными тенями. Глухо хлопали, рассыпаясь в мелкий щебень, не выдержавшие резкого перепада температур камни.

Ориентируясь по собственным следам, глубоко отпечатавшимся в пыли, покрывающей старую дорогу, Аргел, прихрамывая, пошёл назад, туда, где на закате остановился караван обречённых.

Поднявшись на возвышенность, юноша взглянул вниз и застыл, поражённый открывшейся взору картиной.

Несколько десятков человек лежали на земле меж брошенных, перевёрнутых повозок. Солнце уже поднялось над вершинами гор, и под его палящими лучами от неподвижных, заиндевевших тел поднимался пар…

Смотреть на это было жутко, но ещё больший ужас внушили мальчику фигуры людей без защитных одежд, которые спокойно обыскивали перевёрнутые повозки, перегружая заинтересовавшие их вещи в мешки, притороченные к полусферическим телам приручённых сервов.

Он с первого взгляда понял, что перед ним изменённые — бывшие люди, которых коснулось проклятие Селена, но убежать или спрятаться Аргел не смог, — отряд мародёров оказался хорошо организованным: пока одни грабили скудное имущество изгнанников, другие стояли на страже, распределившись по периметру вокруг места массовой гибели людей, и один из наблюдателей сразу заметил подростка, как только он появился над гребнем возвышенности.

Аргеландер всё ещё пребывал в состоянии шока: он смотрел на

истекающие паром тела мёртвых людей, когда последовал резкий взмах руки изменённого и два серва тут же рванулись в его сторону…

Минуту спустя над сбитым с ног Аргелом склонился один из мародёров. Бесцеремонно содрав с пленника порванный балахон, он взглянул на безобразную серебристую кляксу, полностью затянувшую порез на бедре юноши, и вдруг, криво усмехнувшись, проговорил:

— Добро пожаловать в новый мир, сервёныш.

Корабль «торговцев» возвышался неподалёку, сверкая в лучах восходящего солнца, словно ослепительная металлическая гора.

* * *

Реголитные копи Кол Адра, куда вместе с другими рабами попал Аргел, поначалу не произвели на него особенного впечатления.

Впрочем, измученному, подавленному юноше, после месячного заточения в трюме транспортного корабля торговцев, было всё равно, куда и зачем его привезли. Он всё ещё не оправился от страшных событий, предшествовавших пленению, Аргела по-прежнему мучил ужас от одной мысли — кем он стал, — и всё остальное тускнело, блекло на фоне постоянных мыслей о погибших родителях и павшем на него проклятии…

Страдания юноши были скорее моральными, чем физическими, — неглубокая рана, полученная в ту незабываемую ночь, давно зарубцевалась и не причиняла иных неудобств, кроме инстинктивного ужаса, который испытывал Аргеландер от тусклого ртутного блеска, тонкой полоской прочертившего бедро правой ноги.

Большинство товарищей по несчастью находились в точно таком же немом оцепенении моральной комы, когда после месячного путешествия над равнинами и кратерами Селена корабль торговцев наконец причалил к приземистому прямоугольному зданию, где, как выяснилось позже, квартировался гарнизон, охраняющий копи, и проживали чиновники, руководящие добычей воздушного камня.

Рабов выгнали из трюма корабля. Аргел, понукаемый охранниками, вместе с остальными вышел из тёмного грузового отсека и оказался на широком пандусе, который вёл от плоского каменного уступа, исполняющего роль причала, к узкому проходу между отвесными скалами.

Поначалу окружающий пейзаж не вызвал у него каких-то особенных чувств, — все ощущения и без того были новыми, не испытанными ранее, и сознание, взбудораженное резкой сменой обстановки, сосредоточилось на явственных метаморфозах, которые окончательно претерпел его организм. Солнце обжигающим горячечным диском висело высоко в небесах,

посылая на раскалённую поверхность смертоносные лучи, воины, конвоировавшие рабов, опускали поверх прозрачных забрал своих шлемов особые дымчатые пластины, предохраняющие их лица от губительного излучения, а нестройная толпа несчастных, медленно двигалась без какой-либо защиты, но никто из проклятых Селеном рабов не падал в корчах и не задыхался, — понурив головы, они брели к двухэтажному зданию, будто изменение являлось не страшным проклятием, а непонятным, пугающим благом, позволяющим им спокойно переносить нестерпимую жару и вдыхать разреженный воздух…

Бесхитростная постройка, куда их ввели, была сложена из массивных каменных блоков. Внутри, несмотря на отсутствие окон, царил привычный глазу неяркий свет, исходящий от флюоресцирующих секций потолка, стены были покрыты тонкими, гладкими на ощупь панелями из неизвестного материала, пол устилали рифлёные металлические плиты, истёртые до блеска сотнями ног…

Аргел понимал, что здесь начнётся его новая жизнь, которая по предчувствию рисовалась ему короткой и ужасной… Поэтому, двигаясь вместе с остальными, он с ужасом поглядывал по сторонам, но взгляд не находил ничего примечательного: их вели по длинному тоннелю, проложенному внутри здания, и только в противоположном конце прохода, за мощными створами шлюзовых ворот, глазам юноши открылось нечто необыкновенное.

После заточения в тесном трюме и прогулки под палящими лучами дневного светила, казалось, уже ничто не в состоянии изменить покорное безразличие рабов, погружённых в собственные, внутренние переживания, но вид реголитных копий Кол Адра оказался столь необычен, что узники, выходя из ворот, невольно останавливались, поражённые увиденным.

Сразу за тесниной короткого ущелья, перегороженного зданием охраны, начинался глубокий, но небольшой по площади кратер, похожий на исполинскую выемку с отвесными стенами неприступных, обрывистых скал. Острые пики горных вершин вздымались к фиолетовым небесам, ограничивая площадь в несколько сот квадратных километров. Разрушительные процессы эрозии, вызванные резкими перепадами ночной и дневной температур, наполнили глубокий кратер миллионами тонн острого щебня, который скрывал под своей толщей огромный, практически не тронутый разрушительным влиянием времени город!..

Зрелище было потрясающим. Повсюду, куда ни глянь, из-под наслоений реголита виднелись плоские либо заострённые крыши зданий, о высоте которых можно было судить по немногочисленным раскопам, где в

этот момент трудились сотни, если не тысячи рабов…

Подобных строений Аргел не видел никогда. По сравнению с обнажёнными фасадами многоэтажных исполинов цитадель родного Регула казалась ничтожно маленькой, лишённой даже намёка на царящую тут монументальность, сочетающую в себе не только масштаб, но и утончённое изящество форм…

Было совершенно непонятно, почему срывающиеся с отвесных стен кратера осыпи не повредили эти здания, в оконных проёмах которых до сих пор яркими бликами отсвечивали сохранившиеся стёкла, лишь на некоторых крышах виднелись следы разрушенных ажурных сооружений непонятной конструкции и предназначения.

Аргел был откровенно потрясён, но его изумлённое созерцание окрестностей грубо нарушил болезненный толчок в спину — это воины, конвоировавшие вновь прибывших рабов, пришлись подгонять их, направляя в узкий, полого уходящий вниз раскоп, похожий на рукотворное ущелье с ровными отвесными краями.

В тесном пространстве, меж близко расположенными стенами, царила глубокая тень, здесь всё ещё лежал ночной иней, наклонную дорогу покрывала наледь, а по серым, будто пепел, стенам с голубоватыми прожилками непонятных вкраплений полз замысловатый рисунок изморози…

Аргел, разум которого внезапно вышел из многодневного оцепенения горестных мыслей, уже не мог сосредоточиться на прежних переживаниях, — в конце концов, он был молод, его психика обладала достаточной степенью пластичности, приспособляемости, чтобы впустить в сознание новые впечатления и отдаться им со свойственной юности непосредственностью…

Глядя на мрачные, смыкающиеся над головой стены, он внезапно понял, что слагающая их слоистая порода, пронизанная голубоватыми прожилками, есть не что иное, как сплошные залежи легковесного воздушного камня, — он не догадался об этом сразу, потому; что привык видеть его в раздроблённом виде, привычно именуя общеупотребимым термином «реголит», означающим всякую каменную породу, измельчённую до состояния смешанного с пылью гравия…

Естественно, он не знал, как и из чего могли образоваться эти причудливо изогнутые на срезе пласты, но интуитивно понял, что именно толща серой, похожей на спрессованный пепел массы предохранила здания древнего города от разрушительного воздействия резких перепадов температур и каменных лавин, срывающихся со склонов кратера…

Незримый дух великой тайны на мгновение коснулся его рассудка, помогая разуму сбросить многодневное оцепенение, забыть на время о павшем на него проклятии, не думать о прошлых и предстоящих невзгодах, и юноша невольно воспрял духом, оглядываясь по сторонам уже с осознанным любопытством.

* * *

Почти час потребовался конвою, чтобы пройти уклон рукотворного ущелья и достичь ровной площадки, расчищенной у стены одного из многочисленных зданий погребённого города.

Аргел, порядком уставший, пресыщенный новыми впечатлениями, уже начал терять остроту ощущений, вновь впадая в апатию. Сколь ни потрясающими были открывшиеся взгляду картины, но их восторженное созерцание принесло лишь временный прилив сил, — крепко укоренившееся в рассудке чувство обречённости в конечном итоге вновь взяло верх, опять подтачивая разум мыслью о необратимости случившегося… Какая разница, где он встретит свой рок — в пустыне, где обычно добывали реголит, или тут, в раскопах странного кратера, сохранившего под толщей пепельно-серых наслоений город далёких предков?

Мысли Аргеландера нарушил окрик конвоира.

Экипировка воинов Кол Адра явно принадлежала древности, она совершенно не походила на изготовленные кустарным способом защитные балахоны, какими пользовались жители большинства городов. Удобная и прочная броня из непривычного глазу жёсткого материала плотно облегала тела воинов за счёт многочисленных сочленений отдельных элементов; вместо островерхих капюшонов головы конвоиров защищали обтекаемые шлемы с выпуклыми прозрачными забралами. Толстые гофрированные шланги соединяли закреплённые за спинами воинов ранцы с затылочной частью их шлемов, а непонятные устройства, выступающие между ободом забрала и толстым шейным кольцом, позволяли им говорить, многократно усиливая каждое слово, отчего голоса стражников походили на басовитый рык, прекрасно слышимый в разреженной атмосфере.

— Построиться, твари, живо!

Толпа рабов покорно вняла приказу, вытягиваясь длинной неровной шеренгой вдоль расчищенного фасада старинного здания. Мало кто из заключённых смотрел вокруг, в основном тусклые потерявшие жизненный блеск глаза выдавали полное равнодушие, и лишь немногие, подобно Аргелу, продолжали озираться, машинально выполняя приказ конвоира.

Занимая место в строю, юноша успел мельком осмотреть окрестности и заметить, что от обширной площади в разные стороны вели уже не раскопы, а тоннели, похожие на подземные коммуникации родного Регула. Конечно, визуальное сравнение не могло отражать истину, в подземельях города обитали лишь стаи вредоносных грызунов, периодически досаждавших горожанам своими набегами, а тут из зевов тоннелей на открытое пространство то и дело выходили измождённые рабы, толкающие перед собой тачки, гружённые глыбами воздушного камня. В центре площади был установлен огромный ворот, приводящий в движение грубо обработанный каменный круг, испещрённый коническими воронками. Рабы поднимались по шатким сходням и, дождавшись, когда под ними окажется одна из конусообразных выемок исполинского жернова, ссыпали в неё добытые в недрах тоннелей крупные обломки воздушного камня.

Аргел невольно прислушался.

Как бы скверно ни проводила звук разреженная атмосфера Селена, но юноша услышал скрежет дробящихся каменных глыб, надрывные стоны рабов, толкающих исполинский ворот, зычные окрики стражи, невнятное шуршание измельчённого воздушного камня, ссыпающегося по отлогим выемкам, прорезанным в нижнем, неподвижном гранитном круге.

Это были звуки уготованной ему жизни.

Аргела вновь охватила непроизвольная дрожь, как в то незабываемое утро, когда он очнулся среди зарослей металлического кустарника, осознав, что его настигло изменение…

Отсюда не существовало пути назад. Обитатели городов-убежищ полагали, что отряды городской бедноты, периодически выделяемые по требованию Союза для работы в реголитных копях, не возвращаются по простой причине: отработав положенный срок, они, по мнению большинства, находили лучшие условия для жизни в богатых городах Кол Адра, но теперь Аргел понял, что это миф. Среди сотен фигур, появляющихся и исчезающих в зевах тоннелей, не было ни одного человека в защитном балахоне, здесь трудились только изменённые, способные какое-то время сносить нестерпимые условия внешней среды Селена…

«Значит, это место проклято, как и все древние города…» — подумал Аргел, содрогнувшись от мысли о тысячах ничего не подозревающих людей, которые, попав сюда, в конечном итоге погибали, измождённые непосильным трудом, прогрессирующим проклятьем и чудовищными условиями существования.

В этот момент, когда стражники закончили выстраивать вновь прибывших, над обширной площадью, затмевая небосвод, внезапно

появилась исполинская тень, и на миг всё замерло: скрипнув, остановился ворот, рабы, отпуская истёртые до блеска рукоятки тачек, бросали свой груз, отбегая в сторону, к периметру расчищенного пространства, даже стражники, не обращая внимания на своеволие заключённых, спешили отойти подальше от гранитного жернова и высящихся подле него конических гор измельчённого воздушного камня.

Исполинскую тень отбрасывал корабль торговцев, который, появившись в небе над копями, теперь опускался вертикально вниз, порождая своим беззвучным движением вихрящиеся смерчи, поднимающие густые клубы едкой серой пыли.

Площадь, куда опускался корабль, по своим размерам была сравнима с пространством среднего города, и отряд вновь прибывших рабов находился в данный момент на безопасном удалении от места событий. Клубы пыли медленно расползались по сторонам, воздушные потоки поднимали её вверх, свивая в замысловатые эфемерные фигуры, а корабль продолжал снижение, до тех пор, пока его плоское днище не оказалось над коническими отвалами заготовленного реголита.

В днище гиганта открылись прямоугольные створы, и оттуда с ясно различимым визгом начали выезжать решётчатые приспособления. Они раздвигались, секция за секцией, пока с лязгом не вонзились в отвалы измельчённой породы. С гулкой, ощутимой по колебаниям почвы вибрацией заработали невидимые глазу механизмы, и тонны воздушного камня начали движение вверх, перетекая по лентам транспортёров внутрь грузовых отсеков корабля.

Процесс продолжался достаточно долго, и к его окончанию поднятая пыль успела затопить всё обозримое пространство. Единственными, кто не страдал от едкого праха, были облачённые в герметичную броню стражники, остальные же закрывали глаза и садились на землю, пытаясь дышать через ткань ветхих одежд, чтобы хоть как-то защитить лёгкие от ядовитой пыли.

Аргел не избежал общей участи: когда клубы пыли расползлись по всей площади, он сидел, крепко зажмурившись, стараясь вдыхать редко и неглубоко, а на фоне плотно смежённых век грезился образ корабля, который, в сознании юноши, нашёл внезапную ошеломляющую аналогию: исполин был похож на серва, он и действовал, будто серв, в нём, помимо людей, таились сотни различных механизмов, и одно лишь восприятие данного факта переворачивало сознание.

Люди внутри серва… Даже в мыслях это звучало неслыханно, неприемлемо для сложившегося мировоззрения, где все механические

обитатели Селена были заранее отнесены к категории диких, враждебных и смертельно опасных существ, переносчиков древнего проклятия. Но новая реальность, день за днём открывающаяся разуму и взгляду, всё настойчивее опровергала стереотипы, не давая взамен ничего, кроме недоумения и инстинктивного ужаса.

Одно Аргел понял со всей очевидностью: ему казалось, что теперь он знает истинную цену каждого глотка воздуха, который вдыхали обитатели городов.

Юноша ошибался. Ему только предстояло узнать её…

* * *

По большому счёту Аргелу повезло — его распределили в одну из штолен, решив, что сухощавый юноша не подходит для вращения ворота или доставки добытой породы по длинным многокилометровым тоннелям.

Путь вниз к своему последнему, как казалось, пристанищу он запомнил навсегда. У тёмного зева тоннеля группу рабов поджидал надсмотрщик, который оказался вовсе не стражником, а изменённым. Оказывается, воины Кол Адра осуществляли лишь внешнюю охрану реголитных копей, а в глубинах мрачных тоннелей царила иная власть, грубо вылепленная управляющими Союза на основе самых древних человеческих инстинктов.

От одного взгляда на поджидавшего их проводника душу сжимал резкий неприятный холод. В отличие от вновь прибывших, изменённый не был закован в цепи, он стоял у входа в тоннель, скрестив руки на груди, и равнодушно наблюдал, как медленно двигается к нему вереница подавленных, оборванных, потерявших всякий жизненный смысл рабов.

Короткий приказ, сдобренный недвусмысленным ругательством-предупреждением, и их повели в глубь штолен, где численность колонны новичков начала быстро редеть. От основного ствола наклонной шахты то и дело ответвлялись узкие, чуть выше человеческого роста тоннели, у входа в которые стояли, ожидая прибытия свежей рабочей силы, начальники участков. Они бесцеремонно хватали первого, кто попался им под руку, и толкали в сторону, пока не набиралось нужное, по их разумению, количество рабочей силы.

Аргел, который поначалу двигался в центре редеющей колонны, продержался дольше многих. Спустя некоторое время он уже шёл в окружении всего десятка людей, а центральный тоннель начал внезапно сужаться, заканчиваясь невысокой штольней.

— Всё, стоять. Пришли.

Надсмотрщик с изуродованным лицом был немногословен, предпочитая лишний раз огреть раба больно жалящей плетью, от которой били синеватые сполохи, чем говорить с несчастным, хотя бы объяснив, что и как требуется делать.

Вместо этого он раздал целую серию шоковых ударов, явно наслаждаясь гримасами боли на лицах рабов, и лишь затем, указав в глубь сумрачного прохода, приказал:

— Туда, живо. Что делать, вам объяснят старые рабы. Кто покинет штольню без разрешения, убью.

Аргел возненавидел этого изменённого с первого взгляда, но в тот день он даже не помышлял о каком-то отпоре. Вместе с десятком других рабов он покорно ступил в сумеречное пространство низкой штольни, которая, как и главный тоннель, также ветвилась, разделяясь на множество узких лазов, в которые можно было попасть, лишь согнувшись в три погибели.

Здесь их встретил очередной надсмотрщик, рангом пониже. Цепко ухватив Аргела за плечо, он без слов толкнул его, да так сильно, что юноша, потеряв равновесие, влетел в узкий лаз, больно стукнувшись головой и плечом о его край.

Не желая терпеть издевательства и получать увечья, он справился с болью и пополз по изгибающемуся проходу. Спустя десяток метров тот стал неожиданно расширяться и вдруг вывел юношу в освещённую тусклым светом нескольких фосфоресцирующих шаров пещеру.

Аргел выпрямился, оглядываясь по сторонам.

Прямо перед ним высился фрагмент стены древнего здания, по бокам неровными угловатыми наростами нависали глыбы пронизанной голубоватыми жилками породы, в центре своеобразной пещеры, где была свалена куча прелого тряпья, стояла тачка с отполированными ручками и в беспорядке валялся инструмент: клинья, молотки и кирки.

Ни надсмотрщиков, ни рабов…

Ноги Аргеландера подкашивались от усталости, тело само просилось к куче ветхого тряпья, — хотелось упасть на прелую ветошь и лежать не двигаясь…

Он подошёл к дурно пахнущей подстилке.

Из вороха тряпья на него смотрели тусклые старческие глаза. В сумраке небольшой пещеры он разглядел тощие руки с морщинистой, прилипшей к костям кожей, но собственная усталость была сильнее любых запахов и впечатлений Аргелу по-прежнему неодолимо хотелось лечь, но в эту минуту откуда-то сверху раздался голос:

— Эй ты, новенький! Подбирай куски камня, которые я буду откалывать, и выволакивай их через проход к центральной штольне.

Аргеландер с трудом поднял голову и увидел говорящего. Им оказался такой же раб, но уже без цепей на лодыжках и запястьях. Он устроился на самодельных лесах и монотонно вбивал клинья в трещины на поверхности внушительной глыбы воздушного камня, откалывая от неё мелкие куски.

— Если не будешь работать, вечером не получишь еду. А этого брось — он подыхает. Принимайся за дело, я не могу одновременно добывать камень и таскать его по проходу.

Аргел повиновался, скорее машинально, чем осознанно. За истёкший месяц его научили повиноваться.

…Первый день, проведённый в пещере, он помнил смутно. Легковесный воздушный камень казался ему неимоверно тяжёлым, пальцы вскоре начали кровоточить, и он попробовал воспользоваться тачкой, но сверху раздался грубый окрик:

— Не смей!

— Почему? — подняв голову, угрюмо спросил Аргел.

— Надсмотрщик поймёт, что проход достаточно широк. Тогда он не снимет с тебя цепи и сам обязательно пролезет сюда посмотреть. Увидит эту древнюю стену, и всё — от него уже не избавишься, будет стоять за спиной, глядя, как бы ты не утаил какую-нибудь древнюю вещицу. Таскай камни руками и делай вид, что тебе неудобно.

— Мне и так неудобно. Зачем делать вид?

— Тогда скажи об этом надсмотрщику. Скажи, что лаз узкий и цепи мешают. Он раскуёт тебя.

Маленькие рабские хитрости поначалу показались Аргелу глупыми, неуклюжими уловками, но как ни странно — они сработали. С него действительно сняли цепи, а надсмотрщик ни разу не появлялся в небольшой пещере — зачем протискиваться через узкий лаз, если в центральный проход доставляют воздушный камень. Значит, рабы трудятся, а большего ему не надо.

Прошло много часов, прежде чем Аргеландер получил еду и вожделенную возможность уснуть, упав на кучу тряпья.

Есть он не стал, протянув свою чашку измождённому старику. Из-за физической усталости хотелось лишь одного — спать.

* * *

Его разбудил грубый толчок:

— Зря ты отдал свою пищу этому доходяге.

Напарник или собрат по несчастью посмотрел на исхудавшее тело Аргеландера, покрытое ссадинами и добавил:

— Так и быть, сегодня я потаскаю камень. Лезь наверх, но смотри, не откалывай слишком большие глыбы.

…Так потянулись дни рабства, похожие один на другой, как близнецы братья.

Аргел быстро сошёл бы с ума, в тесном почти неосвещённом пространстве пещеры, если бы не старик, которому он отдал свою скудную порцию в первый вечер.

Его звали Гоум — об этом Аргеландер узнал на вторые сутки, когда, вдоволь наломавшись наверху, вновь рухнул на прелую подстилку, но сон вопреки усталости не пришёл…

— Не можешь уснуть, сынок? — дошёл до его сознания тихий шелестящий голос.

Юноша приподнял голову, увидев те самые тусклые, подёрнутые водянистой поволокой глаза, в которых, вопреки утверждению Регрона (так звали второго раба), читался не холод смерти, а едва приметный жизненный блеск.

— Я слаб телом, но не рассудком, — ответил на его вопрошающий взгляд старик.

Он заворочался в своём тряпье, и Аргел, присмотревшись к обнажившимся из-под лохмотьев участкам сморщенной ссохшейся кожи, внезапно увидел, что пятна ртутного блеска, немо свидетельствующие о проказе, имеют на теле старика странную геометрически правильную форму.

— Это что? — Он был слишком заинтригован, чтобы проявлять сдержанность, да и многое изломалось в душе Аргела за недолгий период рабства, начисто стерев некоторые условности.

— Это? — переспросил старик, глядя на прямоугольный фрагмент въевшегося в запястье металла. — Это ответное гнездо для подключения импланта. Я сам сделал его.

— Ты заразил себя проказой?

Усмешка сползла с губ старика, но его глаза продолжали смотреть на юношу с оттенком горькой иронии.

— Я много раз проделывал подобные операции и с собой, и с другими. Я узнал о микромашинах почти всё… — Он тяжело и сипло вздохнул. — Обидно умирать в куче вонючего тряпья, когда владеешь знаниями, какие и не снились этим надменным тупицам из Кол Адра…

Аргел чуть-чуть отодвинулся от старика. Ему стало немного не по

себе. Он никогда не слышал таких терминов, как «имплант» или «микромашины», но речь Гоума была вполне связной, он не бредил…

— Мои родители были изменёнными, и я получил микромашины, которые ты привык называть проказой, по наследству, ещё в утробе матери, — заметив страх в глазах юноши, пояснил Гоум. — Всю свою жизнь я посвятил странствиям и исследованиям, а когда мне показалось, что я добрался до истины и знаю, что нужно делать дальше, чтобы выжить, я пошёл к неизмененным людям в Кол Адр, наивно полагая, что они умны, образованны и трезво смотрят на мир. Куда там, — слабо махнул рукой старик. — Тупицы, случайно раскопавшие древний город и получившие в своё распоряжение склады предков да несколько исправных летающих кораблей. Они даже не стали меня слушать — просто отдали в руки стражи, чтобы бросить сюда.

* * *

Дни походили один на другой, но после первого разговора со стариком Гоумом Аргел начал ловить себя на мысли, что ждёт, когда в центральном проходе гулкий удар о металлическую балку возвестит окончание смены.

Регрон грубовато посмеивался над ним, по-прежнему считая старика умирающим безумцем, который потчует не искушённого в жестокой житейской мудрости юношу заведомыми сказками, чтобы тот поделился с ним частью скудной порции пищевого концентрата.

Аргел не слушал его. В словах Гоума он находил логику, ответы на вопросы, которые невольно копились с той поры, как он вынужденно покинул родной Регул. Думать об оставшемся в неведомой дали городе, погибших родителях, потерянной навсегда Юноне было больно, и он внимал рассказам старика, поначалу лишь затем, чтобы заглушить душившее его отчаяние, ну а потом, приняв на веру некоторые из предложенных истин, он, не заметив того, увлёкся, с жадностью впитывая знания, которые Гоум и его предшественники по крохам собирали всю свою жизнь.

— Ты пойми, мир Нового Селена не возник сам по себе, — однажды вечером заявил старик. — Его заселили много тысячелетий назад выходцы со Старого Мира.

— Ну и что? — насупившись, переспросил устраивавшийся на ночь Регрон.

— Всё, что существует на поверхности Нового Селена, завезено сюда

извне. Да, да, не смотри на меня так, Регрон, я уже говорил тебе, что наш мир зовётся не Селен, а Новый Селен. Прародина погибла, а мы — всего лишь деградировавшие потомки колонистов. — Гоум повернул голову, посмотрев на внимательно слушавшего его Аргела. — Понимаешь, юноша, колонистов. Эти тупицы, которые бросили меня погибать в копях, понятия не имеют, что назвали свою империю, прочитав неполную, полустёршуюся надпись на борту одного из найденных кораблей. Там было написано: «Кол… Ад…р…» — это значит «Колониальная Администрация». Корабль принадлежал тем, кто в прошлом управлял колонией. Они же восприняли это буквально, поскольку не знают ни древних терминов, ни технического языка.

— А ты знаешь? — усомнился Регрон.

— Знаю. Потому что долгие годы исследовал руины.

— Подожди, Гоум, тогда можешь ты объяснить мне, откуда взялись сервы? — прервал их спор Аргел.

— Их создали наши предки в помощь себе, — уверенно ответил старик.

— Но почему тогда они не служат нам? — усомнился в правдивости его слов Аргел.

— Потому что мы утратили знание, дающее возможность управлять ими. Но эти знания можно восстановить, восполнить, как сумели сделать это я и некоторые люди Кол Адра, те, что водят древние корабли.

— А проклятие? — не унимался Аргел.

— Перестанешь ты называть микромашины проклятием? — ворчливо спросил его Гоум. — Они совсем другое, не то что сервы или корабли. Эти микроскопические частицы были созданы, чтобы помочь нашим предкам выжить во враждебных условиях Нового Селена. Постичь их внутреннюю структуру не удалось даже мне, после многих лет безуспешных попыток. Я научился лишь работать с колониями микромашин.

— Скажи, Гоум, почему они заражают людей?

— Потому что они, несмотря на размеры, очень сложны и имеют собственные программы. После постигшей Селен катастрофы они выбрались из лабораторий и оказались на поверхности нашего мира. Скажи, Аргел, — обратился он к юноше, что ты делаешь, когда тебе жарко?

— Прячусь в тень…

— Ну а если тебя настиг холод?

— Наверное, буду искать одежду, чтобы согреться, — не понимая, к чему клонит Гоум, ответил юноша.

— Вот и микромашинам пришлось противостоять постоянно

ухудшающимся условиям внешней среды. Приспосабливаясь, они по-прежнему исполняли свои программы, главная из которых — помощь людям. Они не паразиты, они симбионты. Причём вечные симбионты, потому что развились они из самых заурядных модулей, созданных когда-то на таинственном для меня Селене, с конкретными практическими целями: помогать живым существам и обслуживающим их сервам справиться с задачей освоения новых планет.

Старик закашлялся, но спустя некоторое время продолжил:

— Я прочёл несколько древних книг и понял: микромашины инстинктивно ищут живое существо или серва, чтобы внедриться, но, повторяю, в подавляющем большинстве они — не паразиты. Питаясь напряжением электромагнитных полей или существуя за счёт тепловыделения живых тканей, микромашины взамен существенно расширяют возможности выживания… например, обращаясь в наших с тобой кровеносных сосудах, они вырабатывают кислород, восполняя его недостаток в атмосфере, ещё они могут повышать или, наоборот, понижать температуру тела, аккумулируя тепло и сглаживая губительные для живых тканей перепады температур… — Гоум, склонив голову, посмотрел на участки своей посеребрённой кожи и добавил: — Микромашины — удивительный плод кибернетической эволюции.

Аргел слушал его очень внимательно, хотя ему был непонятен смысл некоторых слов, которые употреблял старик.

…Прошло немало месяцев, прежде чем он смог понемногу разобраться в сути вопроса, а потом произошло событие, в корне изменившее его дальнейшую жизнь.

* * *

У рабов, добывающих воздушный камень в реголитных копях Кол Адра, существовали свои негласные правила поведения, олицетворяющие минимальный набор приспособленческих хитростей.

Регрон утверждал, что им очень повезло: работая в отдельной выработке без постоянного надсмотра, они избегали побоев и оскорблений, хотя, по мнению Аргела, ему с лихвой хватало тех издевательств, что приходилось терпеть, вытаскивая обломки породы через узкий лаз, больше похожий на извилистую трещину.

Стоило оказаться на просторе центральной штольни, где воздушный камень грузили в тележки, как он, подвернувшись под руку какому-либо из надсмотрщиков, тут же получал свою порцию оскорблений и ударов электрической плетью.

Тащить камни через узкий проход было тяжело и неудобно, но он понимал: стоит этот проход расширить, или хоть раз воспользоваться тележкой, как к ним тут же пришлют ещё несколько человек, а с ними и отдельного надсмотрщика. Пока надсмотрщики считали, что двое рабов усердно трудятся в узкой норе, им не грозила подобная перспектива, поэтому Регрон, втолковывая Аргелу азы самосохранения, предупреждал, чтобы тот ни в коем случае не упоминал о стене древнего здания, обнажившейся из-за давнего обвала…

Собственно, эту хитрость придумал Гоум, когда его и Регрона послали обследовать трещину, ведущую в сторону от основного ствола. Протиснувшись сквозь узкую расселину, они увидели небольшую пещеру с россыпью камней подле участка древней стены, но, выбравшись назад, сумели внушить надсмотрщикам, что трещина узкая и тупиковая.

Теперь, спустя много месяцев, Гоума считали мёртвым, ему на смену прислали Аргела, а риск, что в пещеру проникнут надзиратели, возрастал с каждым днём.

— Только не трогай стену здания, — предупреждал Регрон.

Аргеландер уже давно не спорил с ним.

…Во время очередной смены Регрон, отколов слишком большую глыбу породы, неожиданно открыл вход в древнюю постройку.

Реакция троих обитателей пещеры на это событие оказалась абсолютно разной. Гоум тут же привстал с кучи тряпья, вытягивая шею, будто это могло помочь ему разглядеть, что скрывает за собой плотный, гнездящийся в прямоугольном проёме мрак. За последние месяцы, благодаря Аргелу, он немного окреп и начал вставать на ноги.

Регрон откровенно испугался. Некоторое время он немо смотрел на открывшийся проём, затем выругался и начал озираться в поисках подходящего обломка, способного хотя бы частично скрыть обнажившийся вход, а Аргел, не обращая внимания на его озабоченность, инстинктивно взглянул на Гоума.

Взгляд старика красноречиво просил: отнеси меня туда.

— Вы что, рехнулись оба? — рассвирепел Регрон, увидев, что Аргеландер поднял Гоума и несёт его, будто ребёнка, к входу в древнее здание.

— Слушай, Регрон, потаскай камень, чтобы надсмотрщики не сунули сюда свой нос. Мы только посмотрим, что внутри, и тут же вернёмся, ладно?

* * *

Сразу за входом гнездился плотный мрак, но Аргел предусмотрительно прихватил с собой один из светящихся шаров, да и глаза после долгого пребывания в условиях подземелий давно адаптировались к сумраку.

Внутри древнее здание показалось Аргелу столь заурядным, что он ощутил резкое разочарование. Казалось, стоит переступить порог внезапно открывшегося проёма, и тут же тебе откроются какие-то великие тайны…

Разумеется, он ошибался. Перед ними раскинулся сумеречный вестибюль с широкой уводящей на второй этаж лестницей. Зал был пустым, гулким, пол усеян обломками камня, всё покрыто вездесущей реголитной пылью, похожей на пепел.

— Давай поднимемся выше, — попросил его Гоум, оглядевшись по сторонам.

Аргеландер безропотно направился к лестнице.

На втором этаже их взглядам открылся длинный, теряющийся во мраке коридор, по обе стороны которого располагались двери.

— Оставь меня тут. Регрон прав, будет плохо, если надсмотрщики заподозрят неладное. Иди работай, а я посмотрю, нет ли тут чего толкового.
С этими словами Гоум, которого Аргел бережно усадил на пол, осторожно поднялся на ноги, удерживаясь руками за стену.

— Видишь? Твои заботы не пропали даром. Я снова могу понемногу ходить…

Последующие несколько суток прошли для Аргеландера под знаком томительного ожидания.

Казалось бы, что за несбыточные надежды может питать раб, судьба которого давно предопределена неодолимой силой обстоятельств? Он приговорён медленно угаснуть, истаять, как догорающая свеча, погубить свой организм непосильным трудом, скудной пищей, холодом подземелий и едкой вездесущей пылью…

Это старик Гоум своими рассказами и пояснениями поселил в нём лучик надежды, — шли дни, месяцы, а юноша лишь похудел, стал сухим, жилистым и сильным. Проклятие не прогрессировало, ртутный блеск инфицировавших его микромашин затаился в глубине двух длинных шрамов на бедре, и, рассматривая эти рубцы, Аргел, в отличие от Регрона, верил в слова Гоума о природе микромашин, их предназначении и древней цивилизации Селена…

Эти мысли бередили душу, вселяя призрачную надежду на то, что рано или поздно ему удастся вырваться из мрачных подземелий, вновь обрести свободу. Однажды поверив в искренность Гоума, он уже не

вздрагивал от воображаемых картин смертоносных просторов Селена, а твёрдо полагал, что сумеет выжить среди мёртвого камня, в жару и в холод, не изменившись при этом душой…

Именно ненависть, непонимание и безотчётный страх, замешенный на глубоко въевшихся в сознание поколений невежественных суевериях, порождали проклятие, превращали благо во зло, заставляли изменённых думать о себе как об отщепенцах…

Гоум смог донести до рассудка юноши свет истины, и теперь Аргел мечтал лишь об одном — найти способ, чтобы вырваться на свободу и увидеть всё своими глазами, почувствовать каждой клеточкой кожи…

Одного он не мог взять в толк, почему старик, так убедительно обосновавший для него все преимущества, даруемые микромашинами, всё равно продолжал твердить, что их мир обречён?

Это утверждение не находило отклика в душе рано возмужавшего юноши. Если людям объяснить логику изменения, привить микромашины, то отпадёт надобность в городах-убежищах, исчезнет ненависть…

Наверное, Гоум знал ещё что-то очень важное, недоступное разуму Аргеландера.

* * *

На четвёртые сутки, войдя в здание, Аргел не мог ни отыскать, ни докричаться Гоума.

Старик исчез, будто его никогда и не было.

Регрон отреагировал на это событие в своей мрачной пессимистичной манере:

— Зря ты столько времени ухаживал за ним. Видишь, какова человеческая благодарность.

— Нет, он вернётся, — упрямо возразил Аргел. — Я знаю, он вернётся. Наверное, Гоум нашёл путь на верхние этажи.

— Ладно, не злись. Давай укладываться спать.

— Спи, — коротко ответил Аргеландер, потому что знал: сомкнуть глаза и провалиться в спасительные объятия сна ему не позволит гложущая душу тревога.

Гоум появился спустя несколько дней.

Он не вышел, а выполз через узкую щель, которую Регрон по требованию Аргеландера оставил между стеной и глыбой, маскирующей вход в здание. В руках старика были зажаты какие-то свёрнутые в трубку смятые бумаги.

— Аргел, помоги… — прохрипел он.

— Где ты был, Гоум? — с упрёком произнёс Аргеландер, бережно поднимая старика.

— Наверху… Там есть узкий лаз, по которому можно обойти рухнувшие лестницы. Наверное, старая система вентиляции.

— Ты голоден. Поешь.

— После.

Гоум уселся на кучу тряпья, разворачивая ветхие листы бумаги:

— Посмотри на это, Аргел.

Юноша долго всматривался в пожелтевшие листы, испещрённые непонятными линиями и знаками, а потом покачал головой:

— Я ничего не понимаю.

— Это карта. Древняя карта региона. Я могу её прочесть. Смотри, здесь указаны все города, которые лежат в руинах, а ныне существующие обозначены как «законсервированные бункерные поселения».

— Ну и что?

— Это доказательство моей правоты. Раньше Новый Селен был планетой, где люди могли свободно жить под открытым небом… Но это не главное. — Он отложил в сторону листы с картами и показал красочный цветной рисунок, отливающий глянцем. — Смотрите, — обратился он к Аргелу и Регрону. — Клянусь Селеном, это Владыка Ночи!

— Да, похоже, — согласился Аргел. На снимке были ясно видны знакомые белесо-голубые разводы, только всё выглядело крупнее, чётче, чем видится глубокой ночью с поверхности.

— Смотрите сюда, в разрыв межу белыми пятнами, — палец Гоума указал нужную точку. — Видите, там зелень. Жизнь. Живые деревья… А теперь я прочитаю вам надпись, — он отчеркнул пальцем полоску символов, что тянулась по нижнему краю изображения.

«Планета Земля. Снимок сделан орбитальным разведывательным зондом».

— Что это значит, Гоум?

Старик некоторое время молчал, глядя на снимок слезящимися глазами, а потом сказал:

— Наши предки могли летать между планетами. Те корабли, на которых торговцы Кол Адра возят рабов и руду, на самом деле предназначены для полётов между планетами. Мы можем попасть туда… — взгляд Гоума, словно зачарованный, скользил по старому снимку.

— Ха, ты предлагаешь захватить корабль? А кто будет управлять им? — спросил Регрон, опустив пока что вопрос о том, как захватить корабль торговцев.

— Для этого существуют сервы. Специальные сервы. Они — неотъемлемая часть корабля, — уверенно заявил старик. — Я знаю язык сервов.

— Откуда? — скептически хмыкнул Регрон.

— Пятьдесят циклов я скитался по Новому Селену, собирая крохи знаний, пока не попал сюда, — ответил на его выпад Гоум. — Язык сервов намного проще нашего, нужно лишь верно формулировать вопросы и команды, тогда они сделают всё, что ты захочешь, и дадут любые известные им ответы.

— Вы сошли с ума, оба… — уныло вздохнул Регрон, заметив, как загорелись глаза Аргеландера. — Нам никогда не выбраться из штолен, я уж не говорю про захват корабля.

Старик глубоко задумался, а затем произнёс:

— Вы вольны принимать решение. Я понимаю, что ничего не смогу сделать из-за своей немощи, но выход на поверхность есть. Верхние этажи здания давно расчищены и обследованы, путь вниз преграждают завалы, но я уже говорил Аргелу, что нашёл лаз.

— Куда выводят верхние этажи?

— На погрузочную площадку. К отвалам измельчённого воздушного камня.

Взгляд Регрона начал понемногу оттаивать. Конечно, он тоже грезил о свободе, но, не находя выхода, мрачно мирился со своей участью. Зато теперь его поведение вдруг разительно изменилось.

— Отвалы воздушного камня? — Он вдруг усмехнулся. — Это хорошо. Я видел, как реголит загребают механические лапы, загружая его на ленту транспортёра. Что, если нам рискнуть и попасть на борт корабля вместе с порцией грунта?

— А дальше? — невольно вырвался у Аргела вопрос.

— Дальше я разобью башку пилотам, если старик сможет открыть двери.

— Смогу, — с непонятной уверенностью ответил Гоум. — Но это может стоить нам жизни…

— Мы и так сдохнем, оставаясь здесь, — подвёл неожиданную черту Регрон. — Мне опостылело дробить этот камень.

Глава 4

Конечно, это был дерзкий, трудноосуществимый план, но что могли потерять трое рабов, кроме жизни, что теплилась в них благодаря Проклятию Селена?

Однако, если копнуть чуть глубже, у каждого были и свои, сугубо личные мотивы, толкавшие на рискованный поступок.

Они ползли сквозь узкий извилистый лаз, который, по утверждению Гоума, вёл на верхние этажи здания. Восхождение по древней вентиляционной системе продолжалось несколько часов кряду, и, чтобы не сосредотачиваться на физических усилиях, каждый думал в эти минуты о своём.

Регрона толкала вперёд не надежда, а ненависть. Он не мог сосчитать, сколько раз просыпался в холодном поту от одного и того же кошмарного сна: по «ночам» ему грезилось, как он убивает ненавистных надсмотрщиков, но те, в конце концов, наваливаются на него всем скопом, и он падает под беспощадными ударами электрических плетей…

Из реголитных копей Кол Адра не существовало выхода, был лишь выбор растянуть свою агонию или умереть быстро, но болезненно.

Ненависть днём и ночью глодала его душу, но желание жить каждый раз оказывалось сильнее. Иногда он ненавидел сам себя за ночную решимость и дневную рассудительность, которая подсказывала — бросившись убивать, найдёшь лишь смерть среди множества противников.

По словам старика, выходило, что кораблём торговцев во время загрузки управляли всего несколько человек. Уж с ними он справится, — силы и ненависти, накопленной пока ворочал каменные глыбы, было в избытке. А что ждёт их дальше? Регрон не задумывался над этим.

Гоум, с трудом преодолевая уже пройденный однажды путь, думал совершенно о другом. Он вспоминал свою жизнь, полную скитаний. Когда-то у него был дом — маленький оазис изменённой жизни посреди бесплодной пустыни, недалеко от кладбища сервов. Он изучал окружающий мир, собирал древние вещи, учился всему, чего мог коснуться разум, а когда знаний о прошлом скопилось так много, что стали очевидны некоторые истины, он совершил единственную и, как оказалось, непоправимую ошибку — пошёл к людям, полагая, что, приподняв полог невежества, обнажив знание сути вещей, он сумеет перевернуть их мировоззрение.

Ничуть. Правителей Кол Адра устраивала их жизнь. Они не хотели ничего менять, им было наплевать на то, что Новый Селен год от года теряет свою атмосферу: пройдёт ещё несколько поколений, и выжить на поверхности не смогут ни люди, ни изменённые, разве что дикие сервы по-прежнему будут бродить по унылым ландшафтам.

Гоум постиг науку древних достаточно глубоко, чтобы не пропустить выпавший на закате жизни шанс: он понял, что люди — не исконные обитатели умирающего мира, планетоид был мёртв до их прихода и вот теперь возвращался в своё прежнее состояние, вместе с упадком технологий.

Иное дело — Владыка Ночи.

Огромный шар планеты, покрытый разводами облачности, висел над головой, немо свидетельствуя, что на его поверхности процветает жизнь. Та жизнь, которая умерла на Новом Селене.

Гоум свято верил, что далёкие предки не создали ни одной бесполезной вещи или устройства, — всё, что казалось враждебным и непонятным, на самом деле принадлежало людям, просто они позабыли, как нужно управлять древними механизмами. Но раз с этой задачей сумели справиться пилоты Кол Адра, сумеет и он. Только его мысли и желания распространялись дальше, за пределы сиюминутного благополучия.

Аргел, помогавший старику преодолевать трудный подъём, думал не о свободе и Владыке Ночи.

Он вспоминал Юнону, и это придавало ему решимости.

Он не знал, как встретит она изменённого, беглого раба, но если проклятие Селена на самом деле — благо, оставшееся по наследству от древних и не разгаданное ныне живущими, то, может быть, она и её отец — люди, близкие к знаниям, — смогут поверить в то, чему верил он?

Надежда, ненависть и жажда изведать новый мир — вот побудительные мотивы, заставившие троих рабов решиться на отчаянную авантюру.

* * *

Они выбрались в пространство пустых, тщательно расчищенных, сотни раз осмотренных этажей древнего здания, когда над Селеном наступил рассвет.

Гоума этот факт откровенно порадовал. Он объяснил своим спутникам, что корабли Кол Адра используют энергию солнца для питания двигательных установок, а значит, в случае успеха впереди у них будет длинный, жаркий день, чтобы уйти от возможного преследования.

Незамеченными они выскользнули из древнего здания и затаились среди конических отвалов измельчённого воздушного камня.

Ждать корабля пришлось недолго — спустя некоторое время чёрная как смоль тень начала закрывать небеса над кратером — это снижался очередной, идущий под загрузку транспорт.

Опять, как и в прошлый раз, над импровизированной площадкой клубами поднялась едкая пыль, рабы побросали свой инструмент, вместе со стражей отступая к периметру расчищенной зоны.

Корабль снизился над отвалами, в его днище открылись люки, и оттуда с лязгом выдвинулись телескопические эскалаторы с заборными устройствами, которые глубоко вонзились в рыхлую породу и начали поднимать на борт тонны воздушного камня.

— Пора!

Маскируясь клубами пыли, они пробежали мимо грохочущих заборников и один за другим вскарабкались на ребристую ленту транспортёра, прильнув к ровному, подрагивающему в такт вибрациям механизмов слою воздушного камня.

Стремительное движение вверх к чёрному провалу люка породило короткую жуть, потом последовало падение с небольшой высоты, и они очутились в кромешной тьме отсека, куда со всех сторон низвергались тонны измельчённой породы.

— Вверх! — раздался голос Гоума. — Подальше от люков, к центру зала. Нужно взяться за руки, чтобы не потерять друг друга!

Аргел вынул из-за пазухи светящийся шар.

— Молодец, сынок… — похвалил его за предусмотрительность Гоум. — Смотрите, вон в центре зала лестница. Она ведёт к люку. Поднимаемся по ней.

Аргел огляделся вокруг, с содроганием узнавая помещение. Именно в таком отсеке их привезли сюда. Гоум был прав, над металлической лестницей в центре зала действительно располагался люк, через который рабам ежедневно спускали еду.

Что ждёт их за этой преградой: свобода или смерть, не ведал никто…

* * *

За люком, который был снабжён обычным механическим приводом, открылся пустой и грязный коридор. Пробежав по прямому отрезку радиального тоннеля, они оказались в другом коридоре, который был шире, выше и круто изгибался, из чего можно было судить, что данный проход окольцовывает весь периметр корабля.

— То, что нужно, — произнёс Гоум, прочитав полустёршуюся надпись на стене. — Считайте шаги. Через пятьдесят метров должен быть подъёмник, который доставит нас в рубку управления.

Аргел и Регрон, мысленно готовившие себя к схватке, были удивлены, слова Гоума оправдывались с удивительной точностью: в пустых коридорах им не повстречался ни один человек, — очевидно, команда корабля отдыхала сейчас в здании, запиравшем единственный выход из кратера.

Подъёмник они увидели сразу: на стене перед плотно сомкнутыми дверями горели несколько огоньков, под которыми располагались маленькие блестящие прямоугольники. Гоум догадывался об их предназначении, но откровенно порадовался предусмотрительности предков, которые нанесли поясняющие надписи подле каждого устройства активации.

Вызывая лифт, он произнёс:

— Ничему не удивляйтесь, постарайтесь не пугаться и готовьтесь к драке.

Предупреждение было излишним. Бледные лица Регрона и Аргел а говорили сами за себя.

В этот момент раздался гул, затем протяжное шипение, и двери резко разъехались в стороны, открывая доступ в тесную кабину подъёмника.

* * *

Пилотов оказалось двое. Они сидели в странных, снабжённых непонятными механизмами креслах перед скошенными панелями, на которых перемаргивались десятки крошечных огоньков. Выше располагались экраны обзора, но в первый момент и Аргел и Регрон приняли их за обыкновенные окна.

Аргеландер стремглав кинулся к правому пилот-ложементу, а Регрон к левому.

Вся ненависть, безысходность рабских будней, страх, отчаяние и призрачные надежды выразились в коротких звуках яростной борьбы.

Аргел попросту задушил пилота, а когда понял, что его руки сжимают ослабевшую шею, которая уже не держит голову с вывалившимся изо рта посиневшим языком, его тут же замутило. Отпрянув прочь, он согнулся, не в силах справиться с собственным организмом.

Гоум, взглянув на юношу, приказал более стойкому Регрону:

— Убери тела из рубки и закрути штурвал на дверях. Мне нужно время чтобы разобраться в управлении.

В недрах корабля грохотали механизмы. Машины продолжали свою работу, и никто из охранников или рабов, находящихся на дне кратера, не мог заподозрить, что корабль в эти минуты уже перешёл в иные руки.

Старик Гоум сел в глубокое кресло за пультом управления. Хорошо, что память не подвела его, иначе он ничего не смог бы сделать без тех книг, что остались в его далёком оазисе, который, возможно, уже разграблен бандами кочующих по равнинам изменённых.

Он долго и пристально смотрел на огоньки, читал символы под яркими искрами, всматривался в знаки, что периодически появлялись на небольших выпуклых экранах, а затем его руки легли на ряды кнопок, расположенных друг над другом.

Аргел к этому времени уже пришёл в себя и стоял за высокой спинкой противоперегрузочного кресла, наблюдая, как пальцы Гоума касаются маленьких квадратиков с нанесёнными на них символами, одновременно вслушиваясь в невнятное бормотание старика, который, нервничая, повторял вслух команды, что передавали его руки исполнительным системам огромного серва.

— Старая навигационная система… Они её не тронули… Так… хорошо… Значит, я смогу включить устройства автопилотов.

Гоум на некоторое время прекратил манипуляции, застыв, будто изваяние, пока в недрах приборных панелей шли таинственные инициированные им процессы… и вдруг на одном из экранов возникла та схема, которую старик называл картой. Справа осветился ещё один экран, за ним третий, четвёртый…

У Аргела перехватило дыхание. Он видел шарики планет, окружённые искрящейся бездной, их вид завораживал взор, но ничего не говорил разуму, зато Гоум пришёл в неописуемый восторг:

— Подумать только!.. Это же наша Солнечная система!.. Здесь есть курсы, разработанные для полёта к Владыке Ночи и посадки на его поверхность!..

— Древние системы работают? — осторожно осведомился Аргел.

— Ещё как, — не в силах скрыть охватившего его восторга, ответил Гоум. — Корабль, конечно, доведён до безобразного состояния, но я думаю, что бортовые сервы быстро приведут его в порядок. Люди Кол Адра использовали только ручное управление, они не смогли разобраться в автоматических функциях. Сейчас я покажу тебе путь к свободе, Аргел, дай только понять, где здесь расположена система энергетической защиты и пульт управления оружием…

Старик повернулся вместе с креслом, и его пальцы вдруг с

уверенностью забегали по маленьким, подсвеченным изнутри квадратикам.

— Я много раз читал книгу про древние корабли, выучил её наизусть… мне кажется, что я знаю тут всё… до последнего сенсора.

Скрежет, доносившийся из недр корабля, внезапно стих, и на экране появилась мигающая предупреждающая надпись:

Свёрнут автоматический рудодобывающий комплекс. Идёт процесс герметизации корпуса. До включения защитных экранов осталось десять секунд… девять… семь…

…На глазах изумлённых рабов и стражников корабль торговцев вдруг прекратил загрузку, втянул технические аппарели, и внезапно его охватило зеленоватое мерцание энергетической защиты.

Ещё минута, и исполин бесшумно поднялся над кратером, взяв курс в сторону безжизненных вулканических равнин.

Судя по отчёту бортовых систем, он нуждался в серьёзном ремонте, а для этой длительной, кропотливой операции, по мнению Гоума, следовало найти подходящее убежище в каком-нибудь из небольших кратеров, где их не смогут разыскать другие корабли Кол Адра, которые, несомненно, будут отправлены в поиск.

Побег состоялся. Теперь, отремонтировав пострадавшую от времени и небрежной эксплуатации обшивку корабля, можно было…

Гоум, наблюдая, как проваливается вниз кратер реголитных копей Кол Адра, усилием воли заставил себя сосредоточиться на управлении и не думать сейчас о тех перспективах, которые внезапно открылись ему на закате жизни.

Он был счастлив и испуган одновременно.

* * *

Пыль, клубящаяся в глубокой тени крутого склона, постепенно начала оседать.

Породившее её движение было несколько минут назад остановлено властным взмахом руки, и теперь юный предводитель отрада изменённых пытливо вглядывался в кристально чистую даль, где уходящее за горизонт солнце ярко высвечивало огромные овальные проёмы, искусно врезанные в горную породу противоположного склона кратера.

Перед ним по ту сторону равнины лежал Регул — город, где он родился и вырос. Сейчас глядя, как на огромные панорамные окна медленно опускаются защитные бронежалюзи, он с досадой понял, что опоздал всего на несколько часов.

Ненависть к человеку, который одним властным жестом руки

разлучил его с Юноной, обрёк на муки рабства, тщательно упрятанная в глубине души, внезапно и болезненно вырвалась на волю, исказив черты его лица моментальной гримасой гнева.

С той поры, как он в последний раз видел освещённые закатом иззубренные пики кратера Регул, минуло два года.

Теперь он вернулся сюда, но не один — радом стояли другие изменённые, а за склонами кратера до поры скрывался корабль, которым управлял Гоум.

Городская стража неторопливо опускала бронежалюзи, готовя город к долгой ночи.

Ждать дальше не было смысла.

— Сервам — вперёд! — резко, с хриплым придыхом скомандовал он. — Сбить стражу и захватить метательные машины!

* * *

Шлюзовая стража, в отличие от горожан, совершавших вылазки за пределы Регула, была экипирована намного лучше: вместо тканевых балахонов, пропитанных герметизирующим составом, — эластичные, бронированные кольчуги.

Если взглянуть на воинов, вращающих рукоятки древних механизмов, а затем быстро преодолеть взглядом десяток километров и сравнить их с бросившимися в атаку изменёнными, то могло показаться, что наблюдаешь представителей двух абсолютно разных цивилизаций, между которыми осталось лишь сходство в анатомическом строении тела.

…Всё происходило в ватной тишине, разреженная атмосфера плохо передавала звуки, и тем выразительнее становился язык жестов: один из воинов Регула, только что взобравшийся на каменный козырёк, предохраняющий город от ударов частых метеоритных дождей, заметил, что глубокая тьма, затопившая всё дно кратера, странно клубится, будто в чернильной тени к городу спешат десятки караванов.

Думать, что после многолетнего перерыва к Регулу движутся мирные торговцы, избравшие для прибытия самый неподходящий час, было бы наивно, и первое предположение, пришедшее на ум воину, оказалось единственно верным: он вскинул руку в предостерегающем жесте и резко указал в ту сторону, где уже явственно клубилась поднятая ногами изменённых и тонкими ступоходами сервов реголитная пыль.

В этой ситуации слова не имели смысла. Жест воина был замечен, и тревожные сигналы тут же прокатились по цепочке, от человека к человеку, заставляя стражников бросать работу и хвататься за оружие.

Нужно отдать должное воинам Регула: они не растерялись, хотя нападение было внезапным, стремительным и беспощадным. За дымчатыми забралами гермошлемов не различишь смертельно побледневшие лица, пластины брони не выдадут охватившую некоторых стражников ледяную дрожь, но действовали они на удивление слаженно: ловко вскарабкавшись на двадцатиметровую высоту, воины оказались на плоской отшлифованной древними силами площадке, по краю которой вздымалась линия сложенных из камня укреплений.

Прекрасная позиция, выдвинутая вперёд относительно фасада города, давала им неоспоримое преимущество перед атакующими. С двадцатиметровой высоты пятьдесят стражников, успевших взобраться на козырёк, могли свободно и эффективно защищать дальние подступы к городу, оставаясь при этом под защитой сложенных из угловатых камней невысоких стен.

В напряжённой тишине раздались приглушённые щелчки — это стражники, заняв позиции, взводили пружинные механизмы метательных орудий.

Внутри города в данный момент царила суматоха, около ста пятидесяти воинов спешно выстраивались подле шлюзовых ворот, на ходу застёгивая элементы гибкой брони. Остальные жители спешили укрыться в центральной части поселения, где высились стены внутренней цитадели, на строительство которой пошёл материал домов нескольких незаселённых кварталов.

* * *

Резкий жест Аргеландера, подкреплённый короткой командой, сорвавшейся с его губ, бросил вперёд отряд сервов. Механизмы, передвигающиеся на тонких суставчатых конечностях, несмотря на кажущуюся хрупкость, на самом деле являлись грозной силой.

Облако пыли, стремительно надвигающееся на город, на самом деле было не столь плотным, как казалось издалека, к тому же над этой частью Селена уже наступила ночь, и в небесах в полную силу засиял огромный голубовато-белый Владыка Ночи, озаряя своим холодным светом безжизненные пространства.

В призрачном сиянии воины отчётливо видели, как поблёскивают металлические тела машин, передвигавшихся длинными прыжками за счёт энергии механических приспособлений: конечности сервов являлись полыми конструкциями, состоящими из трубок с вложенными в них пружинами. Совершив прыжок, они взмывали высоко в воздух, потом

начинали снижаться, и в момент соприкосновения с твердью Селена их конечности резко укорачивались, полые трубки входили одна в другую, сжимая пружины для очередного прыжка.

Лица воинов всё больше бледнели в напряжённом ожидании. Изменённых они не боялись, а вот сервы, в понимании любого из стражников, являлись смертельно опасными противниками. Исчадия тёмной стороны Селена, чьи мрачные просторы не озарял голубоватый свет Владыки Ночи, не ведали ни сострадания, ни страха, они безраздельно подчинялись своим хозяевам, а любое причинённое сервами ранение неизбежно влекло за собой проклятие металлической проказы, будто они были напитаны этой страшной неизлечимой болезнью.

Стражники, припав на одно колено, застыли за укреплениями, словно изваяния. Каждый из них сжимал в руках короткоствольное оружие, работающее за счёт энергии сжатого воздуха. Прочные гофрированные шланги, соединяющие гермошлемы воинов с закреплёнными на спине прямоугольными ёмкостями, имели длинные гибкие отростки в виде прочных трубок, подключённых к рукояткам оружия. В условиях Селена при низкой гравитации и разреженной атмосфере шарик, вылетающий из ствола с характерным глухим хлопком, дробил камень и с лёгкостью пробивал пылезащитные кожухи севов, но при этом расходовалась драгоценная дыхательная смесь, существенно сокращая время пребывания воина вне герметичных пространств города.

Первая атакующая волна машин достигла критической отметки, когда солнце уже полностью скрылось за изломанной пиками гор линией горизонта. В голубоватом сумраке из облака пыли ввысь взмыли полусферические корпуса машин. Сервов было около сотни, и свой последний атакующий прыжок они рассчитали таким образом, чтобы, взмыв вверх, приземлиться на плоском козырьке за защитными укреплениями.

Сквозь узкие бойницы по ним ударили автоматы. Издали казалось, что каменные стены с вертикальными прорезями бойниц окутались облачками пульсирующего тумана, и с десяток сервов внезапно утратили плавную целеустремлённость строго рассчитанной траектории прыжка, будто с ходу налетели на незримую преграду и расшиблись об неё, падая вниз к основанию городского фасада…

Первая фаза столкновения выглядела беззвучно и почти безобидно, покалеченные машины рушились вниз, вздымая облачка реголитного праха, и оставались неподвижно лежать в выбитых при падении воронках, но подавляющее большинство сервов благополучно завершили начатый

прыжок: их тонкие конечности со скрежетом заскользили по гладкой поверхности каменного козырька; воины, защищающие укрепления, стали резко разворачиваться, поражая приземлившиеся за спиной машины градом сферических пуль, но сервы уже ринулись в атаку, не обращая внимания на чудовищные потери в своих рядах.

Дистанционный бой мгновенно перешёл в кровопролитную рукопашную схватку. Отталкиваясь от каменной плиты, сервы прыгали на воинов, с чудовищной силой пронзая их тонкими конечностями; некоторым стражникам удавалось свалить своих противников на лету, и тогда они, заученным движением отстегнув бесполезные теперь автоматы, выхватывали обоюдоострые клинки из серовато-голубого сплава, бесстрашно бросаясь на механические исчадия.

Аргел наблюдал за схваткой, не вступая в неё.

Со стороны могло показаться, что юношей движет месть, но почему он не ринулся в таком случае вместе с сервами, чтобы сойтись лицом к лицу с теми, кто презирал его по праву рождения, а затем попросту выгнал за стены города, обрекая на страшную смерть?

Ответ был прост: несмотря на кровавое напряжение схватки, кипевшей на ближних подступах к Регулу, он пришёл сюда не ради смерти или мести. Сбить отряды шлюзовой стражи было попросту необходимо — три крупных метательных механизма, смонтированных на каменном козырьке города, могли нанести непоправимый урон космическому кораблю, на восстановление герметичности которого Гоум потратил почти полгода. Старик сумел внятно втолковать Аргелу, что, если в корпусе будет хоть одна малейшая трещинка, им никогда не преодолеть бездну ПУСТОТЫ, разделяющей Новый Селен и Владыку Ночи.

Нет. Он пришёл сюда не за смертью.

Наконец сервы овладели плоским козырьком.

Аргел обернулся, передавая по цепочке условный знак, и, спустя минуту над вершинами кольцевого кратера поднялся захваченный на копях Кол Адра корабль.

Впрочем, старый транспорт работорговцев теперь было не узнать: благодаря усердной и неустанной работе бортовых сервов он обрёл прежний облик: броня отливала серебристым глянцем, над выступами корпуса медленно вращались ажурные антенны, мощные прожектора освещали пространство перед кораблём на многие километры.

Зрелище было завораживающим.

Корабль, которому теперь уже не могли повредить примитивные катапульты, плавно парил в разреженном воздухе, медленно приближаясь к

Регулу.

Когда до цепочки овальных проёмов оставалось менее километра, внезапно два боковых выступа на обшивке корабля повернулись, нацелив в сторону города длинные тонкие трубки, с плотно навитыми на них спиралями охладительной системы.

Ослепительно и беззвучно разрядились лазеры, потоки когерентного излучения моментально прожгли броню, и овальные окна города вдруг начали взрываться, разлетаясь брызгами осколков.

Аргел видел лишь тонкие разящие лучи и слышал, как за бронепластинами, предохраняющими толстое стекло от ударов метеорных частиц, что-то глухо лопалось.

Гоум к этому моменту поразил два десятка проёмов и перенёс огонь излучателей на главные шлюзовые ворота.

Когда лучи лазеров, управляемых главным бортовым сервом, срезали мощные опоры и створы ворот рухнули, поднимая плотные клубы пыли, стало ясно, что Регул пал.

Его жителям оставалось лишь одно — сдаться на милость победителя в надежде, что их пощадят. Даже основной отряд воинов шлюзовой стражи молча опустил оружие, — они видели, какой непоправимый ущерб причинён городу, который в считанные минуты превратился из надёжного загерметизированного убежища в быстро остывающую пещеру, откуда стремительно улетучивался воздух.

Инстинктивный ужас перед холодом и мраком сковал волю самых бесстрашных бойцов…

…Аргеландер первым прошёл сквозь развороченный шлюз.

Остановившись в нескольких шагах от упавших плашмя ворот, он хмуро оглядел толпу горожан: серые, мешковатые, наспех застёгнутые балахоны резко контрастировали с экипировкой стражников, чуть поодаль стояла группа городской знати, среди которых наверняка были старик Герон и Юнона, которая в эти секунды с замиранием сердца узнавала давно оплаканного Аргела, и… Нирон О’Релли.

Пальцы Аргела побелели на рукояти короткого клинка.

«Нет. Я дал клятву Гоуму. Теперь мы должны стать выше собственной ненависти. Я не могу убить его, а потом коснуться Юноны забрызганными кровью руками».

— Граждане Регула! — Голос Аргеландера прозвучал громко и отчётливо, несмотря на разреженность воздуха и тонкий свист, с которым улетучивалась более плотная атмосфера города. — Сейчас вы все без сопротивления и исключений подниметесь на борт корабля. Ваш город

более непригоден для жизни, разрушения слишком сильны, так что у вас нет выбора!

Нирон, до этого стоявший понурив голову, вдруг встрепенулся.

«Этот щенок захватил корабль Кол Адра. — В сердце правителя ожила угасшая было надежда. — Он отвезёт нас, чтобы продать, как рабов, в реголитные копи. Пусть сделает это, а там…» — Губы Нирона исказила презрительная усмешка, и он вдруг поддержал изменённого, обращаясь к столпившимся поодаль людям:

— Делайте, как он говорит. У нас не осталось выбора.

Эпилог

Чёрный усеянный мириадами звёзд МРАК окружал хрупкую скорлупку древнего корабля.

Расплескавшаяся на экранах бездна пугала Аргеландера до состояния тошноты, и он не мог разделить восторг Гоума.

Вместо того чтобы страдать от приступов агорафобии, он решил заняться делом. В грузовых отсеках корабля, которые сервы загерметизировали и переоборудовали, приспособив их для недолгого пребывания людей, томились в тревожном неведении граждане Регула, которых внезапное разрушение городской защиты вынудило подняться на борт корабля.

Они не знали, какая участь им уготована.

Аргел и сам слабо представлял свою дальнейшую судьбу. Из сотен находившихся на борту людей оптимизмом отличался лишь Гоум, но уверенность старика в благополучном исходе ужасающей авантюры не могла передаться ни юноше, ни невольным пассажирам межпланетного корабля, учитывая, что последние даже не подозревали, в каком пространстве движется корабль.

Регрон ходил бледный как полотно. Когда Аргел разыскал его, изменённый выполнял очередной приказ Гоума: заряжал ампулы с культурой микромашин в специальное приспособление, лично собранное стариком из подручных материалов. Сами ампулы, вкупе с множеством других предметов, они забрали из старого дома, подле которого блестел ртутный пруд и росли металлические кусты. Это было именно то место, которое старик гордо именовал своим «оазисом жизни».

Теперь им предстояла нелёгкая миссия.

Взяв в сопровождение двух модернизированных сервов, которые умели парализовывать людей безопасными для жизни смертельными разрядами тока, Аргел и Регрон спустились в грузовой трюм.

Приглушённый гул перешептываний моментально стих, как только двое изменённых в сопровождении сервов появились на решётчатом балкончике, от которого вниз вела гулкая металлическая лестница.

Аргеландер никогда не произносил публичных речей…

— Люди… — Он подошёл к краю площадки, глядя вниз. — Когда-то я был одним из вас. Многие помнят меня подростком. — Он отыскал взглядом Нирона и добавил: — Правитель Регула обрёк сотни людей на

смерть, когда выгнал нас за пределы города. — Юноша сглотнул внезапно вставший в горле комок воспоминаний. — Мои родители умерли от холода во время долгой ночи, а тех, кто выжил, подобрал корабль изменённых. Нас продали в рабство для работ в копях Кол Адра. То, что говорил вам правитель Нирон, — ложь. Люди не возвращаются из Кол Адра по одной простой причине — они работают в копях до самой смерти. И она не заставляет себя ждать.

Аргел запнулся, собираясь с мыслями, и решил, что лучше говорить прямо:

— Там, куда мы летим, не будет рабства. Когда корабль сядет, каждый из вас сможет самостоятельно решать, как ему жить. Я напал на Регул не ради мести, а затем, чтобы спасти вас, горстку людей, от верной гибели. Возможно, вы не понимаете смысла моих слов. Я плохо умею рассказывать, вскоре вы увидите всё своими глазами. Но есть одно непременное условие: каждый из вас должен сейчас подняться на эту площадку и принять прививку. Это не проклятие Селена, — посмотрите на меня и постарайтесь понять: всё, что живёт в вашем сознании — лишь плод страха, наследие невежества. Металлическая проказа… Аргел не заметил, как воспользовался привычным термином, — это маленькие частички искусственной жизни, созданные нашими предками. Там, куда мы летим, никто не сможет обойтись без их помощи.

— Люди, не слушайте его! — внезапно выкрикнул Нирон О’Релли. — Он лжёт, чтобы превратить вас в изменённых и продать в рабство!

Гробовая тишина воцарилась в отсеке после этого выкрика.

«Лучше бы я его убил», — с тоской подумал Аргел, понимая, что убедить перепуганных людей теперь уже не сможет и сам Гоум…

— Замолчи, Нирон! — внезапно раздался другой голос, и люди моментально расступились, освобождая пространство вокруг Герона, который прижимал к себе дочь. — Этот юноша говорит правду! Смотрите. — Он резким движением задрал рукав своей одежды, показывая стоявшим подле него людям маленькое серебристое пятнышко. — Я изменённый и долгие годы жил среди вас, но разве кто-то может назвать меня проклятым или сказать, что я совершал дурные поступки, болел, заражал других проклятием Селена?

— Гнусный предатель! — взревел Нирон, но Аргел, предвидя такую реакцию, уже освободил серва, который взвился в воздух, сбив с ног бросившегося на Герона бывшего правителя Регула.

— Нет, я не стану действовать силой! — перекрывая шум короткой борьбы, произнёс Аргел. — Пусть каждый сам сделает свой выбор. Я

выжил лишь благодаря металлическим кустам, оцарапавшим моё бедро. Вам решать, жить или умереть. Кто в состоянии поверить здравому смыслу, пусть по очереди поднимается ко мне на площадку. У нас не так много времени… — Он отыскал глазами Юнону, поймал лихорадочный блеск её глаз, и, вспомнив про пятнышко на её ягодице, вдруг добавил, желая как можно скорее прикоснуться к любимой и совершить маленькую хитрость, способную убедить остальных: — Пусть дочь хранителя Солнечного Камня будет первой, кто поднимется ко мне!

Через минуту Герон с Регроном уже делали дрожащим от страха людям прививки, а Аргел и Юна отошли в сторону, не выпуская друг друга из объятий.

Они тоже дрожали, но совсем от иного чувства.

Лишь несколько человек, в числе которых оказался Нирон О’Релли, не поднялись на решётчатый балкон.

Они упорствовали в своём невежестве, так и не осознав, что делают добровольный выбор между жизнью и смертью в пользу последней.

* * *

Древний корабль трясло и раскачивало, словно он был ополоумевшим сервом, несущимся по ухабистой дороге…

Даже Гоуму стало страшно — с определённого момента он уже не мог управлять посадкой: все необходимые действия выполняла таинственная, так и не познанная до конца система автоматического пилотирования.

На обзорных экранах звёздную бездну сменило яркое пламя — это нагревался корпус снижающегося в плотных слоях атмосферы корабля.

Сквозь яркую ауру были видны белые как снег облака.

Внезапно навалилась перегрузка. Застонали пилот-ложементы, пламя стало таким ярким, что экраны не выдержали и почернели.

Потом последовал глухой удар, и…

Наступила оглушительная тишина.

Спустя минуту Гоум, кряхтя и постанывая, выбрался из кресла.

Аргел помог подняться Юноне и вопросительно посмотрел на старика.

— Пойдём… — ворчливо произнёс тот, но радостный, торжествующий блеск в слезящихся глазах внезапно обдал Аргеландера жаркой волной понимания: они сели.

Не разбились, а сели на поверхность Владыки Ночи!..

* * *

Люк долга не хотел открываться, с него ссыпалась окалина, а когда сервам всё же удалось распечатать выход и спустить вниз металлическую лесенку, Аргел уже не мог удержаться: столько любопытства, столько нетерпения скопилось в нём, что, не отпуская руки Юноны, он первым шагнул в проём, окаймлённый дымящимися остатками пневмоуплотнителя…

Корабль сел на побережье огромного острова, и на двух молодых людей, спустившихся по шаткой лесенке и отбежавших подальше от пышущей жаром, обуглившейся обшивки корабля, тут же, со всех сторон, словно ошеломляющий вихрь, налетели запахи и звуки, которым ещё не было названий в их рассудке.

На ум приходило лишь одно слово «ЖИЗНЬ», и они, не сговариваясь, выкрикнули его, как заклятие.

На языке Селена это звучало так:

— АТЛАНТИДА!!!

notes

Примечания

1

Суточный цикл Нового Селена составляет 29 стандартных земных суток. В дальнейшем термин «цикл» будет заменён на термины «месяц», «год» и «день», для удобства восприятия текста.